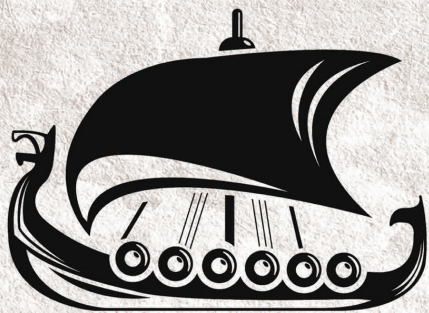

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МАРИНА АЛЕКСАНДРОВА
КОРНИ ЗЕМЛИ

ВАРЯГ

РАССЛЕДОВАНИЕ СКВОЗЬ СТОЛЕТИЯ

Марина Генриховна Александрова

Варяг

Серия «Корни земли», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165148
Александрова М. Варяг: роман: Терра – Книжный клуб;*

Аннотация

Читателя ждет путешествие в эпоху князя Владимира Красное Солнышко, где перед ним предстанет Древняя Русь с ее битвами и военными подвигами, любовными и политическими интригами.

Содержание

Легенда о перстне	4
ГЛАВА 1	10
ГЛАВА 2	20
ГЛАВА 3	36
ГЛАВА 4	52
ГЛАВА 5	56
ГЛАВА 6	60
ГЛАВА 7	69
ГЛАВА 8	75
ГЛАВА 9	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Марина АЛЕКСАНДРОВА ВАРЯГ

Легенда о перстне

В давние времена в славном городе Константинополе жил некий ювелир. История не сохранила имени его, но известно, что равных этому мастеру не было во всей Византии. Самые прекрасные женщины почитали за честь носить украшения, изготовленные ювелиром, и сам император не раз обращался к нему, заказывая то одну безделушку, то другую.

Деньги рекой текли в карман к ювелиру, и всего у него было в достатке. Не было одного – семьи. Жил мастер затворником, а годы шли и шли, и молодость уходила.

Но однажды в его мастерскую пришла молодая девушка, желавшая заказать себе скромное украшение. Спокойно выслушал мастер ее просьбу, но когда девушка сняла покрывало, чтобы рассмотреть образцы – какое ангельское личико предстало его потрясенному взору! Гостья была прелестна, обворожительна, безупречная гармония сияла во всей ее фигуре, в каждом движении, а голубые глаза искрились, как алмазы, и локоны блестели, как расплавленное золото. Ей нельзя было дать более пятнадцати лет.

Улыбкой неизъяснимой прелести пленила она ювелира, и

тот запылал страстью, как безрассудный юнец. И – о чудо! – она ответила ему столь же пылкими чувствами.

Ничего не зная о своей избраннице, ювелир поспешил со свадьбой, ибо препятствий к ней не было. Только после того как Господь соединил их навеки, несчастному мастеру раскрылся характер его супруги. Под ангельской оболочкой скрывался дьявольский нрав, но ювелир продолжал любить свою супругу. Он терпел и прощал все ее злобные выходки, решив со смирением нести свой крест и на зло отвечать добром.

Время шло, ювелир проводил дни в трудах и заботах, а его молодая жена, предоставленная самой себе – в блаженной праздности. Святые обеты были нарушены ею с первого дня брака – не стала она опорой и помощью своему супругу, но ежечасно отравляла ему жизнь.

Лишь одним смогла она порадовать мужа – вестью о своей беременности. Ювелир, будучи уже человеком преклонных лет, не смел и надеяться на такое счастье, поэтому был сам не свой от радости. Кроме того, он полагал, что рождение ребенка смягчит нрав его супруги.

В положенный срок жена разрешилась чудесной девочкой, и семейная жизнь нашего героя стала понемногу входить в спокойное русло. Конечно, жена ювелира не стала образцом добродетели, но присутствие невинного младенца удерживало ее от злобных выходок.

Как-то раз жена попросила ювелира отпустить ее пого-

стить у родителей. Добрый муж, который ни в чем не препятствовал своей супруге, с радостью согласился. С той поры такие поездки вошли в обычай. Каждый год жена уезжала на несколько дней и возвращалась такой довольной, что даже с супругом обращалась почти ласково.

Одно огорчало доброго ювелира – ни разу жена не взяла с собой дочь. Однако она указала ему причины такого поведения – отец ее, говорила она, не может смириться с тем, что на свет появилась девочка, а не мальчик, наследник, и потому не хочет видеть внучку.

Ювелир слепо верил всем словам супруги, и невдомек было ему, что не к родителям ездит его обожаемая супруга. Увы! Она погубила свою бессмертную душу, связавшись с врагом рода человеческого, и каждый год отлучалась из дома, чтобы присутствовать на богопротивных Черных Месах.

Дочь подросла и стала такой же красивой, как мать, и доброй, как отец. Душа ее была чиста и невинна, как у настоящего ангела, сошедшего с небес на грешную землю.

Всякий раз, когда мать готовилась к отъезду, дочь просила взять ее с собой. И как-то раз она согласилась...

На этот раз поездка затянулась немного дольше, чем обычно. Через месяц к ювелиру вернулась жена и, проливая притворные слезы, сказала ему, что их единственная дочь скончалась у родственников от лихорадки.

Ювелир был безутешен, но ни на минуту не усомнился в

правдивости слов жены, только лишь изъявил желание как можно скорее посетить могилу дочери. Жена не сопротивлялась открыто, но каждый раз находила все новые поводы для того, чтобы отложить поездку.

Наконец ювелир заподозрил неладное и, не сказав жене ни слова, уехал к ее родителям один. Каково же было его недоумение, когда он обнаружил, что родители жены скончались несколько лет назад. Сначала он не поверил этому, но сам посетил кладбище и нашел их могилы. Могилы же дочери ему найти так и не удалось.

Вернувшись домой, ювелир не сказал жене ни слова о том, где он был и что обнаружил. Та, испугавшаяся сначала, постепенно успокоилась и пришла к выводу, что ее супруг ездил по каким-то своим делам.

Но с того дня ей больше не удавалось обмануть бдительность мужа. Куда бы она ни шла, что бы ни делала, за ней следили его глаза. Когда же она в очередной раз собралась погостить у родителей, ювелир сказался больным и не поехал с ней. Жена с легким сердцем уехала, а он тайно последовал за ней, стремясь докопаться до разгадки зловещей тайны.

Как тень следовал он за вероломной женой и видел тот адский притон, где служили мессу, видел окровавленный алтарь, и волосы зашевелились у него на голове – он понял, что дочь его была принесена в жертву Сатане.

Но в этот раз нечистый не получил своей добычи. Черная месса была прервана в самом разгаре – ювелир собрал мно-

гих вооруженных людей и священников. Все участники дьявольской секты были преданы пытке и смерти, а жена ювелира была признана одержимой дьяволом.

В уединенном монастыре были произведены предписанные обряды. Несколько суток подряд над одержимой читались молитвы, пока дьявол не покинул ее тело. Несчастная успела покаяться и причаститься, после чего с миром скончалась.

Отпускать демона бродить по земле было бы весьма неосмотрительно, но погубить его было невозможно. Поэтому монахи решили заточить демона, чтобы не мог он навредить людям. Для этого ювелир изготовил кольцо – простой серебряный перстень с черным опалом. В него-то стараниями монахов и был загнан демон.

Но могущество духа тьмы было столь велико, что и из недр камня мог он строить свои козни. Монахи, опасаясь грядущих бед, наложили на него несколько заклятий и отчасти преуменьшили его силу.

Результат был таков: демон, заключенный в перстне, будет помогать своему хозяину (а именно ювелиру, всем его родственникам и потомкам), пока хозяин его не совершит три преступления. После этого чары заклятья рухнут, и демон волен будет расправиться с владельцем перстня, и ничто не сможет ему помешать.

Для того чтобы попасть под губительную власть демона, хозяину достаточно было совершить следующие преступле-

ния: стать виновником смерти женщины, содеять грех лже-свидетельствования и заставить голодать ребенка.

Монахи не думали, что перстень еще когда-нибудь окажется в руках кого-нибудь из мирских людей, ибо мастер, потеряв свою семью, остался в монастыре и в скором времени постригся в монахи. Кольцо он всегда носил на среднем пальце правой руки, как вечное напоминание о собственной неосмотрительности и проистекшем от нее несчастье. Он завещал похоронить зловещее кольцо вместе с ним, тем самым навсегда избавив людей от напасти, но судьба распорядилась иначе.

Ювелир и в монастыре не оставил своего ремесла. Вскоре при его участии монастырь разбогател, а самого монаха-мастера стали приглашать в другие обители с тем, чтобы он украсил их плодами своего труда.

Однажды мастер отправился по своим делам в соседний монастырь. По пути на него напали разбойники. Ювелира убили, сняли с шеи золотой крест, а с пальца дешевое серебряное кольцо с черным опалом. С тех пор проклятый камень начал странствовать по свету, принося добродетельным людям удачу, а грешным – горе и смерть.

ГЛАВА 1

Было уже очень поздно, когда Эрик наконец добрался до своих покоев. Сегодняшний пир у князя дался ему нелегко, и теперь помыслы князева дружинника были об одном – рухнуть в постель и проспать как можно дольше, несмотря на то что рассвет уже был не за горами.

Что и говорить, нелегким показалось Эрику князево поручение! Да и не понимал он, отчего именно на него пал выбор пресветлого.

Получив через посланца приказ явиться пред князевы ясные очи, Эрик был готов ко всему. Новый военный поход или какое-то поручение из тех, что уж не в диковинку ему стали за время службы – невелика тягость для князева милостника.

Но беседа с глазу на глаз пошла о другом, и Эрик по сию пору не мог прийти в себя. Отчего князь именно его выбрал для исполнения своего замысла? А замысел, и вправду, диковинкой не оказался.

Ни для кого уже не было секретом, что князь, достойный внук своей властительной бабки, княгини Ольги, давно уже лелеял помысел подарить своему народу нового бога. Старые, по думам его, уже не годились, а новая вера могла бы объединить людей и принести на землю русскую порядок и благочестие.

Кабы призадумался Эрик над тонкостями вопроса, то понял бы, что господин его с величайшим равнодушием относится к любой религии, видя в ней только орудие для вершения судеб своего государства. Но не к лицу доблестному гридню ломать буйную голову над такими загадками, да и сам Эрик тоже в богах не очень-то разбирался и ревнителем не был. Веровал, но скорей из животного страха перед неизвестными человеку силами. А как эти силы зовутся, какая разница?

Состоя на службе у великого князя киевского, Эрик на своем веку перевидал немало пришлых людей – торговцев, странников, послов, поклонявшихся различным богам. Каждый из них был твердо уверен в том, что его вера и есть на самом деле самая правильная. Эрик же со временем все больше склонялся к мысли о том, что Бог один, только имен у него много.

Нелегко было выбрать князю человека, который бы отправился в дальний путь за новой верой. Быть может, угадал Владимир тайные движения души своего милостника и потому и выбрал его для выполнения непростой своей задумки?

По чести сказать, Владимир еще толком не решил, какая вера более всего подойдет росичам. Потому и отправлял он теперь своих послов в разные страны, для того чтобы привезли они единственно правильный ответ на давно мучивший его вопрос. Одно было ясно Владимиру: пока росичи покло-

няются Перуну и Велесу, не быть Руси великой державой.

Эрик не стал перечить князю. Путь в далекую страну грозил опасностями неисчислимыми, но манил и звал. Пора, пора на мир посмотреть, себя показать – не все же сиднем сидеть возле княжьего стола, ожидая очередного военного похода против половцев. Дорога предстоит дальняя – аж в самую Византию. Труден путь до Константинополя, но влечет он, обещает спасение от маетной скуки, от теремной ленивой жизни.

Уже лежа в постели, Эрик представлял себе предстоящее путешествие, и от предчувствия новых дорог сердце начинало сильнее биться в его груди.

На следующий день с утра пораньше, как это и было обговорено накануне с Владимиром, Эрик уже был во дворе княжьего терема. Это было довольно высокое двухъярусное строение с высоким крыльцом, выходящим во двор.

С раннего утра возле крыльца толпился различный народ – бояре, тиуны и княжьи гридни. Однако простому смерду попасть в терем не было никакой возможности, поскольку возле крыльца день и ночь дежурила охрана, сторожа покой князя.

Эрик миновал дюжих гридней и по длинному переходу подошел к широкой лестнице, ведущей на второй ярус терема. Там, у подножия лестницы, помещались палаты, где, подобно своей грозной бабке, чинил Владимир праведный суд над своими подданными и принимал их жалобы. Зело свар-

ный народ достался Владимиру, гораздый все беды и неурядицы свои сваливать на властителя!

Сегодня в ранний утренний час в покое еще никого не было, лишь стражник стоял у дверей, да еще один дежурил возле лестницы, ведущей в покои князя.

Эрик в ожидании прошелся несколько раз вдоль стены, увешанной старыми доспехами и оружием – молчаливыми свидетелями ратной славы киевских князей, и, наконец, опустился на темную дубовую лавку, обитую синим бархатом.

Ждать ему пришлось недолго. Вскоре со стороны княжских покоев послышались тяжелые шаги, и в комнату вошел мужчина среднего роста в богато разукрашенном опашне. В его внешности не было ничего необычного – скуластое лицо с прямым, несколько большеватым носом, густые брови, аккуратная русая борода, скрывающая упрямый подбородок. Только очи его были невиданными среди людей – очень светлые, цвета расплавленного серебра. И, как ни скрывалась пронзительность княжских глаз под длинными, девичьими совсем ресницами, всяк знал: не скрыться от взгляда. Он пронзит твои самые потаенные мысли, и солгать будет нельзя, просто не осмелишься. Старцы говорили, что у княгини Ольги такие же были очи, и князь, видать, у бабки их перенял.

Эрику не довелось повидать Ольгу, но много же он слышал о ней! И часто думалось ему, что многие из обычаев своих князь перенял у бабки: решительность и справедливость

и непреодолимое стремление добиться назначенного во что бы то ни стало! Это было видно даже по осанке княжеской, по горделивой его походке и молодецкой удали.

А ведь немолод уж князь Владимир. Седина уже припорошила виски – благородная память о многотрудно прожитых годах...

– Здрав будь, князь! – поприветствовал Эрик Владимира, поспешно поднимаясь со скамьи.

Владимир ничего не ответил, лишь коротко кивнул в знак приветствия и жестом показал Эрику, что тот может оставаться на своем месте.

– Обдумал ли ты мои вчерашние слова? – сразу же приступил к делу Владимир.

– Обдумал, пресветлый князь, – отвечал Эрик, встав все же со скамьи. Сидеть в светлейшем присутствии было все же неурядно.

– Ведаешь ли, какой важности поручение даю я тебе? Не за товаром посылаю, не на полюдь. Товар пропадет – новый можно прикупить, а ты за верой едешь. Тут оступиться не моги – урон навлечешь и позор великий! Собой всю землю русскую представлять будешь, так смотри, не посрами. Понимаешь?

– Понимаю, – спокойно отвечал Эрик. – Не изволь беспокоиться, пресветлый князь, дело твое исправлю. Верой и правдой служили киевским князьям мои предки, послужу и я. Сомневаться в чести нашего рода нет надобности.

– Вот и докажи это, Варяг, – сказал князь, задумчиво глядя на Эрика.

Варяг – так прозвали Эрика при княжьем дворе, и он уж привык к этому, за обиду прозвание не считал. Гордился варяжскими корнями, доблестью дальних предков. Прибыли они на Русь вместе с Рюриком, Синеусом, Трувором. Разошлись братья княжить по разным городам, и остался пращур Эрика Улаф в Киеве, при Рюрике.

Со временем скончались Трувор и Синеус, остался Рюрик полновластным правителем и стал жаловать своих приближенных. Достался Улафу малый град на границе со степями половецкими.

Недолго радовался старый Улаф – налетели половцы, взяли град и выжгли дотла, а жителей вырезали либо в полон угнали. К тому времени у Улафа немалая была семья, и повзрослевшие сыновья разъехались искать счастья и почета. Жаль им было отца, старого воина, да знали они верно – через пару весен он, тяжело страдавший от былых ран, все равно отправился бы на небо, где его вот уже больше десяти лет дожидалась его жена.

Вот так и получилось, что сыновья Рюрикова сподвижника остались без своего надела. Все, что осталось от княжеского подарка, – горелые руины и покосившиеся каменные идолы. Там, на пепелище, и был достойно погребен старый варяг, а сыновья разъехались в разные стороны, добрым словом поминая родителя.

И, право, стоило его помянуть, хоть и не оставил он сыновьям великих богатств! Только славное боевое осталось оружие, да еще старшему сыну достался неказистый перстень, который в семье их почитали, как волшебный.

С титешного возраста помнили братья отцовские сказы про оберег рода. Давным-давно попал он в семью, и с тех пор переходил из рук в руки.

За мутными, узкими оконцами терема лютовала выюга, швыряла в бревенчатые стены пригоршни снега, а в палатах было жарко натоплено, сонно, спокойно. Отец восседал на высокой постели – старые раны особенно давали знать о себе в такие дни, когда даже ветер жалобно выл, просясь в тепло, и прибивались к земле иззябшие голые ветви. Мать хлопотала над отцом, он благосклонно принимал ее суету – правда, порой сворился, но беззлобно, для порядка. Им, бабам, дай волю – как младенчика залюлюкают старого воина!

Мать обиженно поджимала губы и уходила – возиться по клетям. А отец неспешно начинал повесть о своей далекой родине, о том, что довелось ему повидать на своем веку. Память у старого воина была юношеская – помнил он события, в славные летописи не занесенные, сказителями не воспетые. Может, и не столь важны они были, но сослужили добрую службу сыновьям Улафа, пробудив в них великую жажду к подвигам ратным, к странствиям дальним, ко всему неизведанному, непознанному, что лежит за надежными стенами терема...

Говорил отец и о перстне – ведь была эта вещица добыта в бою, в бою трудном и жестоком, в котором polegло немало славных мужей их рода. Давно это было, когда не родился еще отец, но от этого предание о перстне не казалось менее достоверным. Из уст в уста, из поколения в поколение передавалось оно вместе с заветным оберегом.

Был бой – жестокий и кровавый. Воевали на чужой земле, за чужое добро. Память поколений не сохранила имени врага – да и к чему оно? Враг, он и есть враг, и больше о нем простому человеку знать нечего.

Варяги лихо сражались и победили. Поле боя устелено было мертвыми телами, как травой. Собрав добычу, победители собрались уж в путь, как вдруг один из них углядел невдалеке, в пелене сгущающихся сумерек, рдяно мерцающий огонек.

Так обрел пращур Улафа заветный перстень. Пойдя на огонек, он обнаружил тело поверженного врага, а на нем горела кровавая искорка. Подивившись, снял воин перстень с холодной мозолистой руки мертвеца. Ярко-ярко полыхнул камушек и пропал. Превратился в обычный, темный. Только внутри, если приглядеться, дрожали-перекликались синие и багряные всполохи.

И, как говорил отец, а ему его отец говорил, а его отцу – его отец, расколол раскат грома тишину сумерек, особенно глубокую после сражения, и могучие дубы согнулись от порыва ветра. И тут же стихло все, а воин, сочтя случившееся

за добрый знак, надел перстень на свою руку и продолжил путь.

С той поры счастье пришло к старому ратнику. Где бы ни был он – на веселых петушьих боях или у княжьего стола – повсюду за ним шла удача. Златниками наполнились его закрома, род забогател. И все это благо приписал родоначальник таинственному перстню, ратней своей добыче. А помирая, отказал перстень старшему сыну. Тут только уверились все в тайных чарах безделки! Неспохватист был старший сын воина, неловок – а и ему пришло счастье, как только опустил ему отец на палец перстенок.

Так и повелось. Передавался оберег из поколения в поколение, пока не оказался наконец у Улафа. а Улаф покинул родную землю и уехал в далекую страну, там и нашел свою участь.

Сыновья Улафа, покинув разоренный надел отца, отправились искать то место на земле, которое могло помочь им возместить хоть отчасти потерянное тепло родины. Старший из них увозил с собой перстень, снятый с руки отца. Неказисто выглядел родовой оберег, ну да не в красоте его сила. Даже если байки все это, про неожиданную удачу – все ж память об отце останется. А когда пришел и его смертный час – передал кольцо старшему сыну, да так и пошло.

В четвертом колене дошло кольцо от Улафа к Эрику. И вот теперь, стоя перед светлейшим князем, Эрик чуял: сотни могучих, хмурых воинов, его далеких предков, словно под-

нимаются из праха и становятся рядом с ним, готовые принять на себя тяготы княжьего поручения.

– Поспешай со сборами, Варяг, – продолжал между тем князь. – Путь до Константинополя опасен, даже с воинами ехать трудно. Примкни к купцам, с ними покойнее и веселее. Сыт и пьян будешь, а коли набег какой, купцы за себя постоять смогут не хуже гридней.

– Будь по слову твоему, князь, – поклонился Эрик.

– Купец Стародум мой товар везет в Константинополь. С ним поедешь.

– Будь по-твоему, князь, – повторил Эрик.

Не умел он красно говорить, как многие при князьем дворе, больше дело ценил, чем слово. Может, оттого и выбрал князь Владимир его своим посланником?

Дав еще несколько указаний, князь отпустил Эрика, повелев собираться в дальний путь.

ГЛАВА 2

Сборы в дальний поход – важное событие для города. В трудах и заботах семь дней миновали незаметно, и все семь дней не утихал шум на площади, стучали топоры, звенели молоты. Сновали по пристани княжьи и боярские люди, аки пчелы в улей носили в лодии продажные товары: мед, воск, меха и прочее добро – все, что охотно покупали ромеи. Нашлось местечко и для припасов в путь – добротной снеди, густого меда. Хмельного не брали с собой – в пути трезвый ум нужен. Нелегкий предстоял путь – сначала по Днепру, потом по изменчивому Русскому морю.

В день отплытия Эрик проснулся очень рано, еще до света. А в тереме уже не спали – слышались торопливые шаги за стеной, голоса челяди... Последними сборами руководил верный Плишка. Это был умелый, бойкий парень, ровесник Эрика, товарищ его детских игр. Но подросли юноши, и жизнь все по местам расставила – Эрик стал господином, Плишка – рабом, но обычай промеж них остался прежний, товарищеский.

Плишка, нужно отдать ему должное, лишней воли не забирал и на людях выказывал хозяину почтительность и трепет, понимал с полуслова и любое приказание выполнял слета. Зато, оставаясь наедине, хозяин и раб говорили, как равные, и Плишка мог даже попрекнуть Эрика за какую-то

оплошность, указать на недогляд. Дерзость, конечно, а что поделаешь? Не мог же Эрик наказывать Плишку – это все равно, что брата своего наказать! Да и советы Плишки бывали зачастую разумны.

Брата, к слову сказать, у Эрика не было, о чем он горько жалел. Брат – опора, вторая твоя душа, помощник в любом деле. Утешением была сестрица Хельга – умница, красавица, белокурая и синеглазая, словно чистых кровей варяжских. Жила она с матерью подальше от суеты городской, почитай что в деревне. Эрик любил ее и баловал, всегда, когда наезжал, привозил дорогие гостинцы – платна, богато расшитые киевскими мастерами, колты с драгоценными самоцветами, искусно вытканные убрusy. Хоть и молода была Хельга, а пора было готовить ей посаг, чтоб было с чем прийти в семью мужа. Мать стара уже, все хозяйство на ее плечах – да и кому еще позаботится о сестре, как не братцу родному?

Два дня назад побывал Эрик у родных – проститься перед дальней дорогой. Ирина запечалилась, но грусти не показала. Сын на княжеской службе, своей воли не имеет. Да и отвыкла уже мать от сына, знала, что живет он своим умом. Страшно, конечно, вдруг сгинет сынок в дальнем, неведомом краю? О том и была ее печаль.

Любезная же сестрица, напротив, нимало не опечалилась – только широко распахнула синие глаза-озера.

– Возьми меня с собой, братка! – вырвалось вдруг у нее – и тут же осеклась Хельга, смутилась. Она и сама понимала, что

не место юной девушке в таком суровом походе, среди воев и купцов. Но велика в ней была, как и в брате, жажда нового, невиданного. И не было в ее прекрасных очах страха за брата, который отправляется в такой тягостный путь, а был там интерес, и зависть, и сожаление о том, что ей, женщине, никогда не придется отправиться в дальний путь, в чудесный город, никогда не увидит ничего нового. Так и просидит всю пылкую юность в старом тереме, где всего-то и развлечений, что редкие наезды брата. А выйдет замуж – все будет то же, да еще лишится она нехитрых девичьих радостей...

Мать Эрика и Хельги была женщина нрава сурового. С молодости не отличалась ласковостью да смирением, а после смерти мужа почуяла себя полновластной хозяйкой. Эрик редко чувствовал на себе тяжелый характер матушки, а вот Хельге порой солоно приходилось.

Все это Эрик знал, и потому промолчал, с грустью и любованием поглядев на сестрицу. Теперь, облачаясь в походное платно, припомнил тот разговор и закручинился, но уже о другом – подумал, что станет с матерью и сестрицей, если он, единственная их надежда, не вернется домой, сгинув на трудном пути?

Глубоко вздохнув, прогнал он печальные мысли. У пристани уже толпился народ. Все было готово для дороги. Эрик снова вздохнул, вбирая в себя свежий утренний ветер, и почувствовал в себе такую молодую, яркую силу, что любая мысль о смерти показалась ему сущей нелепицей.

Отыскав глазами лодию Стародума, Эрик направился к ней, сзади, чуть поодаль шествовал Плишка, невероятно гордый сам собой. Еще бы: он, простой холоп, сопровождает княжьего посланца в далекий город Константинополь, и все эти люди, собравшиеся на берегу, провожают не только купцов, но и его!

Эрик, осторожно ступая, прошел по сходням. Стародум почтительно приветствовал его и указал рукой место, где следовало поместиться ему и его сопровождающему. Плишка прошмыгнул вслед за хозяином и начал устраиваться.

На лодях начали поднимать якоря, ставить ветрила. Ветер окреп, вздрагивали лодии, готовые сорваться с причала и лететь туда, в ясную даль. Ветрила ползли все выше, наконец лодии тронулись, миновали желтую косу и вышли на неоглядный днепровский простор.

Эрик задумчиво взирал на берега, которые впервые надолго покидал. Стремительно нес Днепр свои прозрачные воды, надулись на лодях паруса, и летели они, как птицы. Уплывали назад берега с вербами, горами, желтыми песками – любые, родные берега. Что-то ждет его здесь, над быстрым Днепром?

Труден путь по Днепру, опасности подстерегают повсюду. Нужно очень хорошо знать норы этой опасной реки, чтоб провести по ней тяжело груженные лоды и не потерять при этом ни людей, ни товара. Только мудрый и опытный человек может избавить путешественников от опасности погибнуть

на порогах или в топких, болотистых заводях, заплутать в разветвлениях коварной реки.

И такой человек нашелся в вотчинах князя Владимира. Звали его Ворот, и не первый год водил он водные караваны по этому пути. Немолод уже был Ворот, седина посеребрила ему виски, закралась в окладистую бороду. Нравом он отличался суровым, но дело свое знал. Ни один караван, который он вел, не потерпел в пути урона, он знал каждую излучину реки, и, кажется, ослепни он завтра, не оставил бы своего дела. За мастерство прощали ему крутой нрав и угрюмость – да и каким еще быть человеку, который столько раз смотрел в лицо смерти, да еще отвечал за многих людей, плывущих за ним?

Ворот был на первой лодье, указывая путь другим. Эрик плыл на третьей по счету. С великим интересом взирав он на открывающийся впереди широкий плес, на мчащиеся по Днепру бурные, пенистые волны. Над поверхностью воды проносились чайки и с печальным криком исчезали в голубой дымке.

Вечером ветер стих, гребцы – все, как на подбор, дюжие, веселые парни – взялись за весла. Вспыхнула на небосклоне первая вечерняя звезда, на лодиях завели тихую песню...

Каравану сопутствовала удача. До самых порогов стояла ясная, теплая погода, ветер улетел в неведомые края. Хорошо, да не очень – трудно было гнать на веслах тяжело груженные лодии, да еще дни стояли жаркие, даже по ночам не

было роздыху от зноя. Да еще все волновались: как будет на порогах? Только Ворот был спокоен, пристально вглядываясь в дрожащую от зноя даль.

Первый из девяти порогов называли «Не спи!» Две каменные гряды врезались в реку с обоих берегов, а посреди была быстрина, кипели волны. Не больше двух поприщ оставалось до оскаленных скал, когда Ворот надсаженно прокричал:

– К берегу, вытаскивайте лоды, дальше посуху пойдем!

Лоды одна за другой начали причаливать к берегу.

Эрик, впервые ставший свидетелем перехода через днепровские пороги, смотрел на все происходящее с величайшей заинтересованностью. Его не звали на помощь, знали – не по чину княжескому послу таскать лоды по Днепру. А он и не рвался, рад был, что можно походить по земле, размять затекшие ноги.

Тем временем купеческие слуги и вои, раздевшись, ступили в прозрачную, прохладную воду и, взявшись за края лодий, сторожко повели их вперед, прямо навстречу беснующимся водоворотам. Вот-вот беснующаяся вода сметет людей с ног, перевернет лоды и разбросает по окрестным берегам жалкие останки.

Но люди продолжали медленно двигаться к намеченной цели. На некоторое время сверкающий сноп брызг скрыл их из виду, а когда они снова появились, стало ясно: порог миновали благополучно.

Вот уже лоды покачиваются на спокойной воде. Устав-

шие люди выбрались на поросший изумрудной травой берег. Решено было сделать краткий привал – ведь впереди виднелся еще один порог. Днепр здесь был узок, меж двух утесов проходил стрежень. Люди нуждались в отдыхе.

Располагались на бережке, доставали нехитрую снедь. Говорили мало – у Эрика, кроме Стародума, знакомцев не было, а остальным, видно, беседовать охоты не было. Да и о чем говорить? О превратностях пути, о своеволии Днепра и опасностях плавания по нему? Но и об этом лучше говорить потом, когда путь уже будет пройден и опасности останутся позади.

Передышка была недолгой – что зря время терять? Едва успели перекусить и размять ноги, как поднялся старый Ворот и, указав рукой на лодьи, хрипло прокаркал:

– Пора!

Никто не посмел прекословить угрюмому проводнику, и люди начали поспешно занимать свои места в лодьях.

И вновь лодьи скользят по покрытой легкой рябью реке и вновь медленно проплывают берега, поросшие зеленою лесов. Снова чайки проносятся над лодьями и кричат что-то тоскливо, будто бы сбились с пути и не могут найти дорогу.

Следующие несколько дней путешествия обошлись без приключений. Лодьи благополучно миновали семь следующих порогов тем же способом, что и первый. Но впереди оставалось самое грозное препятствие – последний, девятый порог, называемый Дидом.

Уже издалека было видно, как пенится и бурлит в нем вода. Гряда подводных камней, острых, как волчьи зубы, пересекала Днепр от берега к берегу. Вода со всего маху налетала на препятствие и билась, клокотала, ревела, как загнанный зверь, а вырвавшись, катила свои волны уже спокойно и чинно. Проводники, ведущие через порог, были уверены, что там, под водой, построили свой терем жуткие водяные. Это они, высунув свои костлявые пальцы из-под воды, ловят лодии, переворачивают их, пожирают людей.

Чем ближе приближались лодьи к порогу, тем больше мрачнел лицом купец Стародум.

– Что не так? – наконец, не выдержав, спросил его Эрик. – Что тебя тревожит, купец? Или этот порог так уж страшен? Так ведь прошли прежние и этот пройдем.

– Пройдем, – ответствовал купец. – Исходил я Днепр, и знаю: пройдем. Другая беда есть – печенеги сторожат здешнюю землю.

– Не тревожься, купец, у нас ведь воинов немало, отобьемся как-нибудь.

– Воины нам не помогут. Коли воины охранять нас будут, то кто ж лодьи понесет?

Неведомо было Эрику, что этот порог иначе обходили, чем бывшие до него. Остановились лодии выше Дида, и вытащили из них заранее заготовленные волокна – катки деревянные. Эти катки вытаскивались на берег, и люди волочили их вдоль порога.

Как раз в этот-то момент чаще всего и нападали печенеги, рассчитывая на то, что несущим тяжелый груз людям придется сначала опустить его на землю и лишь после этого они смогут обороняться.

Однако Ворот недаром слыл опытным проводником. Предвидя возможность нападения печенегов, он заранее отрядил десяток воинов на охрану. С копьями наготове, они шли рядом, чтоб, если налетят печенеги, отбить их.

Шесть тысяч шагов нужно было протащить лодии по низкому берегу, и огромных усилий стоил каждый малый шаг. Даже порожние лодии были тяжелыми, они медленно катились по каткам, а палящее солнце продолжало нещадно жечь склоненные головы трудящихся людей.

С раннего утра до вечера тащились лодии по горячему песку, и даже спустившиеся сумерки не остановили их движения. Только к полудню следующего дня лодии спустились на спокойную воду за Дидом.

Несмотря на зловещие предостережения Стародума, нападения половцев в этот раз удалось избежать. Увел ли их от этих берегов дальний набег, или поосторожились они нападать на хорошо вооруженных людей – неведомо, да никто и не желал выяснять причину. Все радовались благополучному исходу.

– Знаешь, ведь у этого порога князь Святослав голову сложил, – сказал Стародум.

Эрик изумился.

– Как, неужто у этого самого места? Расскажи мне, старик!

– Случилось это ночью. Так уж вышло, что пришлось князю заночевать в этих местах. Но был князь осторожен и переправился со своей малочисленной дружиной на остров.

Только прилег он, как налетели печенеги: подплыли к стану, окружили, накинулись на стражу, и прогремел призыв к бою!

Неравная это была битва. После долгой и трудной дороги отдыхали русские вои, и тьма была крошечная, и печенегов было втрое больше, чем воинов Святослава.

И все же росичи дрались с той же отвагой, что и всегда. Рубились не на жизнь, а на смерть и приняли смерть смело, надеясь, что за их погибель отомстят и кровь их будет пролита не зря.

Долго продолжалась кровавая битва, один за другим падали русские воины, и вот уже князь Святослав остался один.

Святослав был уже ранен, и несколько стрел пронзили его грудь, но он все еще не сдавался и разил половцев направо и налево с прежней силой. Но вот подкрался один сзади и рубанул Святослава кривой саблей. Покачнулся князь и медленно осел на залитую кровью землю, не выпустив из рук боевого своего меча.

И так горда и величава была сама смерть его, что дрогнули и отступили поганые печенеги. Тут только рассвело, и увидели все лодии на синем днепровском плесе – то шла подмога.

Как бешеные волки разбежались враги, но погиб Святослав, князь киевский. Там и воздали ему последние почести...

Эрик молча смотрел в прозрачную глубину днепровских волн. Многие чувства пробудил в нем рассказ купца. Была здесь и гордость за народ, который умеет так бесстрашно сражаться, и за великого князя, не выпустившего меча из руки, даже когда смерть дохнула на него ледяным своим дыханием, и горечь за безвременную смерть славного воина...

Размышлял Эрик и о своей судьбе. Хотя и на далекой земле родились его предки, а все же только Русь считает он своей родиной и готов за нее сложить свою голову и претерпеть великие муки. Быть может, и он не вернется с этого трудного пути – погибнет в бою с лютыми печенегами или другую смерть найдет себе?

Тем временем караван лодий все продолжал свой путь по спокойным днепровским водам. Впереди было Русское море и последняя перед ним преграда – почти в самом речном устье. Это место давно уже облюбовали печенеги для своих засад. Здесь проходил торговый путь из Корсуня на Русь и печенеги брали богатую добычу.

Узко тут было русло Днепра: пустишь с одного берега стрелу – она до другого долетает. Этим и пользовались поганные печенеги, расстреливая караваны. Беда, если чуть зазеваются воины – не избежать гибели! Полбеда, если на одном берегу будет засада – можно тогда плыть рядом с другим и отстреливаться, а если печенеги с двух сторон навалятся –

ох, несладко покажется!

Обо всем этом поведал Эрику все тот же купец Стародум, пока они медленно подплывали к переправе.

И хорошо сделал, что поведал – затаилась печенежская засада на правом берегу.

Как только, просвистев, первая печенежская стрела воткнулась в борт лоды, послышался надтреснутый голос Ворота:

– Гребите к другому берегу, – прокричал он.

Под градом стрел лоды медленно начали пересекать Днепр. Кто-то из росичей уже был ранен – светлые днепровские воды обагрила кровь.

– Пригнитесь, – что есть силы кричал охрипший Ворот. – Пригнитесь ко дну лодий!

Тем временем русские воины изготовили луки – полетели русские стрелы к правому берегу, и оттуда стали доноситься вопли ярости и боли.

Эрик, пригнувшись ко дну лодки, нащупывал впопыхах свой лук, но тут сверху на него навалилось что-то тяжелое, прижало к полу... «Плишка!» – сообразил он и, разгневавшись, попытался спихнуть с себя холопа, но не тут-то было. Плишка был потяжелее своего господина, да еще был убежден, что выполняет свой долг, так что, как не рвался Эрик в бой, не удалось ему справиться с хлопотливым слугой. Он уж зубами закрипел от стыда и досады, как вдруг Плишка издал какой-то странный звук, словно захлебнулся, а затем

тело его обмякло.

Эрик почувствовал что-то горячее и липкое, медленно текущее по его руке, и с опозданием понял, что это кровь. С трудом он выбрался из-под Плишки, забыв о свищах вокруг стрелах.

К счастью, через малое время лоды уже оказались в недосягаемости для печенежских стрел, и Эрик смог спокойно осмотреть Плишкину рану.

Стрела вонзилась ему в плечо и, на первый взгляд, ничего страшного не содеяла. Но вот кровь из маленькой ранки почему-то текла быстрой алой струйкой, чересчур обильной для такого ранения.

Провалившийся в забытье Плишка не почувствовал, как Эрик со Стародумом вытащили обломок стрелы из раны, как промыли ее и перевязали чистой тряпицей, пытаясь унять кровь.

Опасность миновала, но осторожный Ворот не скоро еще дал команду причалить. Впереди был остров Святого Георгия.

Плишка к этому времени пришел в себя и тихо лежал на дне лоды, глядя в небо.

– Что ты, Плишка? – спросил его Эрик.

– Терема там... Небесных князей, – слабо ответил Плишка, пытаясь указать рукой.

По небу плыли белые облака.

Когда Плишку вытаскивали на берег, он опять потерял сознание. Эрик положил его на прогретый солнечными лучами

зеленый пригорок, а сам направился к Вороту, который что-то объяснял нескольким купцам. Издалека завидев Эрика, старый проводник подозвал его взмахом руки.

– Раненых оставляем на острове. Твоего слугу тоже, – без лишних церемоний заявил он.

– То есть как оставим? – негодуя переспросил Эрик. – Что ж, на погибель бросим?

– Зачем на погибель? Оставим им еды вдоволь и одну из малых лодий, чтоб могли обратно до дому дойти, как поздоровеют.

– Плишка поедет со мной, – сказал Эрик и нахмурился.

– Нет, – так же резко ответил Ворот. – Такая обуза в пути нам ни к чему.

– Я эту обузу возьму на себя.

Ворот хотел еще что-то возразить, но, очевидно, прочитал в глазах собеседника что-то такое, что заставило его прекратить ненужную свору.

– Ну, делай, как знаешь, – нехотя согласился он. – Только никакой слабины не жди. Останавливаться, дожидаться вас никто не будет.

Эрик только кивнул в ответ. Было и ему ведомо, что раненые в пути – обуза великая. Но как бросить верного Плишку, который себя не пожалел, хозяина прикрыл? Ведь не доберутся раненые до Киева. Перемрут от своих ран и от бескормицы на острове. Даже если и удастся им выйти на воду, как пройдут они печенежские засады? Как минуют опасные

пороги – без катков, без проводника, да и просто без сил? Оставить здесь Плишку – на верную смерть оставить.

Вот только... Перенесет ли Плишка дальнюю дорогу? Впереди простирается суровое Русское море. Немало и здоровых людей от него стонут, а каково будет хворому?

«Авось продержится», – решил про себя Эрик. Путь до Константинополя под присмотром заботливого хозяина все же более безопасен, чем возвращение домой с горсткой таких же беспомощных раненых.

Плишке было невдомек, что сию минуту решалась его участь. Он метался в беспамятстве, что-то шепча запекшимися губами, а когда приходил в себя, жалобно стонал и все просил пить. Тряпица, которой перевязали рану, насквозь пропиталась яркой кровью.

Наконец пришел лекарь, странствующий с одним из купцов. Осмотрев раненого, он немало утешил Эрика, сказав, что рана не смертельна, и, если она не загниет, больной поправится. Приложил какую-то траву, наново перевязал Плишке плечо и ушел по своим делам.

Решено было провести несколько дней на острове, дабы отдохнуть перед долгой и многотрудной морской дорогой. Эрик не отходил от Плишки, суетился вокруг него, как заботливая нянька. Но все напрасно – лучше Плишке не становилось. Рана не гноилась, но и не заживала – лекарь накладывал на нее какую-то едкую траву и давал Плишке снадобье, от которого его все время клонило в сон.

Сидя у его постели, сооруженной из чего под руку попало, Эрик смотрел, как чинят лодии. Особых повреждений на них не было, но на погоду в Русском море рассчитывать нечего – ветер и буря там могли налететь в любой момент, так что нужно было быть готовым ко всему.

Починка не заняла много времени. Через пару дней Ворот объявил, что завтра пора отплывать.

Утро следующего дня выдалось пасмурным. Поглядывая на хмурое небо, Эрик устроил поудобнее Плишку, соорудив над ним что-то вроде навеса, и укрыл поплотнее. К обеду следовало ждать дождя.

Люди тем временем заканчивали последние приготовления, собирали скарб, приводили в порядок товар и спускали лодьи на воду. Прошло еще немного времени, и вот уже стройная вереница лодий плыла по серым, непогожим водам Днепра.

ГЛАВА 3

Плишка слабел на глазах, и Эрик уже раскаялся в своей затее взять его с собой. «Оставил бы его на острове, – терзался он раздумьями, – может, и жив бы был Плишка. Добрались бы домой. А так помрет он по моей вине».

Эрик купил у лекаря маленький сосуд со снадобьем, заплатив баснословную цену, и пользовал Плишку сам. Но он только слабел, приходил в себя все реже и уж почти не разговаривал. Видать, от снадобья его клонило в сон, потому что Эрик решил как-то испробовать драгоценное лекарство на себе. Малую каплю принял на язык из флакончика, так целый день как пьяный ходил.

Три дня подряд лил дождь. Купцы суетились, хороня свой товар от проникающей сырости, а у Эрика одна была забота – защитить обессилевшего Плишку от потоков воды, льющихся с неба. Напоминая себе, что Плишка защитил его не от струй дождевых, но от тьмы стрел, что так же сыпались с неба, Эрик собой закрывал верного слугу, но все напрасно – сырость просачивалась всюду, и у Плишки появился кашель, который не давал его ране затянуться.

Только через три дня выглянуло солнышко, погоды установились добрые, но Плишка не рад был этому. Похоже было, что он собрался помирать.

Ох, как не хотелось этого Эрику! Еще раз пришел лекарь,

но только главой покачал и отошел. Не оставалось ничего другого, как молиться всем добрым богам и ждать. И Эрик терпеливо ухаживал за слугой, помышляя о том, что, видать, придется ему вскоре копать могилу в чужой земле для спутника детских лет.

Об этом думал Эрик ночами и маялся, не умея развеять эти мысли и уснуть. И как-то в звездную душную ночь не то приснилось ему во сне, не то наяву привиделось, как свистят над головой печенежские стрелы и наваливается сверху тяжелое тело верного слуги, а перед глазами, на неловко завернутой руке, звездочка перстня-оберега, и звездочка эта вспыхивает кроваво...

Отец говорил Эрику, что перстень этот оберегает хозяина от любой опасности. Сколько Эрик помнил себя, отец всегда носил перстень и никогда не снимал с руки, ни на минуту не расставался, словно кольцо бесценным было.

Незадолго до смерти отец остался с Эриком с глазу на глаз и вновь повторил – сил не пожалел! – сказку о перстне. А потом не без труда снял его с руки и протянул сыну.

– Что ты, отец, зачем? – отшатнулся Эрик.

– Чувствую я, что недолго мне осталось ходить по этой земле, – сказал отец, и тень грусти промелькнула в его глазах. – Хочу, чтобы перстень достался тебе.

– Уныние владеет тобой, отец. Забудь эти мрачные мысли. Ты еще крепок...

– Сын мой, я прошу тебя взять этот перстень. Многие ве-

щи теряются, а мне бы хотелось, чтобы ты не расставался с этим оберегом. Ты добрый сын и будешь славным воином. К тому же ты теперь служишь князю, а это дело трудное – всяко может случиться. Поверь мне, перстень защитит тебя. Меня он спас от многих бед и несчастий. Если это не чудо, то что же? Так что носи перстень не снимая, храни его, как самую ценную в мире вещь. Когда-нибудь ты передашь его своему сыну.

Эрик нехотя взял перстень и надел на средний палец правой руки, так, как всегда носил его отец, и показалось ему, что содрогнулась земля, и новая, горячая и жгучая кровь заструилась по его жилам. Однако это продолжалось какое-то мгновение и закончилось так же внезапно, как и началось. «Примерещилось», – решил Эрик, но перстня снимать не стал и носил его всегда, выполняя отцовский завет. Не очень-то верилось Эрику в тайное могущество оберега.

Вскоре скончался отец, и к Эрику пришла удача. Приблизил его к себе великий князь Владимир, обзавелся он своими хоромы и зажил в достатке. Сестра его завидной невестой стала, и с завистью начали посматривать на Эрика его приятели, простые гридни. Никто из них и помыслить не смел о такой удаче, какая пришла к собрату.

Так и пришлось Эрику поверить в силу своего оберега. А чудесное спасение от печенежских стрел стало для него еще одним доказательством чудесных свойств перстня. Правда, осталась в сердце горькая досада – неужто не мог могучий

оберег и Плишку спасти от опасности? Или только ему, Эрику, благоволили неведомые силы? Как бы там ни было, а Эрик чуял за собой вину, словно нечестный спор заключил и выиграл и пойман не был.

Лежит теперь бедный Плишка, готовится испустить дух. А он, Эрик, живой и здоровый, ничем не может ему помочь. Как быть, что делать?

Такие мрачные мысли одолевали Эрика в то время, когда караван подплывал к острову Эферия. Этот остров должен был стать последним местом передышки перед выходом в открытое море.

Мало людей жило на острове. Да и не был приспособлен для житья: только купцы останавливались на нем, чтобы привести в порядок лодьи, поменять снасти на те, что пригодны в морском путешествии, и продолжали путь.

Однако некоторые находчивые люди все же обосновались на острове, справедливо рассудив, что из его месторасположения можно извлечь выгоду немалую. Нужны будут мореплавателям съестные припасы в дорогу, нужны будут и снасти, взамен попорченных на Днепровских порогах. И все это с немалой выгодой можно продать, и торговаться никто не станет – себе дороже обойдется. Без денег-то в море немудрено обойтись, а как без пищи да без пресной воды обойдешься? То-то.

Купцы, конечно, были народом предусмотрительным и старались заранее запастись в дорогу всем необходимым. Но

в пути случалось всякое: на караван нападали печенеги, лодьи переворачивались на порогах, так или иначе перед выходом в море почти всегда обнаруживалось, что нет чего-то необходимого, и купцы платили втридорога, покупая нужные вещи на острове.

Как местным жителям удавалось противостоять печенежским набегам? Про то было неизвестно. Поговаривали злые языки, что издревле платили они печенегам немалую дань, чтоб те оставляли их в покое. Быть может. Ведь и печенеги понимали, что намного выгоднее получать постоянную прибыль, чем разграбить поселение один раз до основания.

Когда лодьи причалили к берегу, солнце клонилось к закату. Вечер был теплый, в воздухе уже чувствовалось соленое дыхание близкого моря. Как только лодьи вытащили на берег, их сразу же окружили несколько местных отроков и начали наперебой спрашивать у молчаливых от усталости путешественников, откуда и куда следует караван и нет ли в чем надобности.

Прибывшие пока только досадливо отмахивались: некуда им было торопиться. Три дня решено было провести на острове – будет еще время поговорить с местными жителями и приобрести все необходимое.

Люди неторопливо располагались на берегу, разводили костры. Откуда-то уже вкусно запахло ухой и жареным на углях мясом. Путники принялись за вечернюю трапезу, не обращая более внимания на любопытных отроков.

Только Эрик, вынесший на берег безропотного Плишку, вдруг подошел к ребятишкам.

— У вас здесь лекарь есть? — неожиданно громко спросил он, обращаясь к самому старшему из мальчуганов.

— Кто? — не понял белоголовый парнишка и опасливо пятился назад.

— Лекарь... — повторил Эрик уже не так громко.

Мальчуган продолжал непонимающе таращиться на Эрика.

— Ну, вот когда у вас поранится кто или заболит, вы к кому идете? — снова спросил Эрик, еще тише.

— К бабке-веде, к кому ж еще? — наконец сообразил паренек.

— Ну вот и ладно, — облегченно вздохнул Эрик, начавший уж было думать, что на острове не водится вообще никого, кто понимал бы врачевание. — А теперь рассказывай, как отыскать эту вашу бабку, — снова обратился он к мальчишке.

— Никак у вас приболел кто? — оживленно поинтересовался тот.

— Раненый у нас, — коротко ответил Эрик, мотнув головой в сторону куста, возле которого неподвижно, как бездыханный, лежал Плишка.

Отрок метнул быстрый взгляд в его сторону, что-то смекнул и снова уставился на Эрика хитрыми глазенками.

— А что мне за это будет? — спросил он, хитро прищурившись.

Эрик остолбенел. Это ж надо – с молодых ногтей мздоимством заниматься!

– Что будет, говоришь? – переспросил он таким голосом, что мальчишка отпрянул и, по всей видимости, приготовился бежать. – А вот голову я тебе оторву! То и будет! – загромыхал Эрик, и не успел мальчишка припустить во всю прыть под защиту родительского крова, как тяжелая рука Эрика опустилась ему на плечо.

– Показывай, где бабку найти! – уже спокойно произнес Эрик, но то, как он это сказал, испугало мальчишку еще больше.

– Хорошо, хорошо, боярин, только не бей, пожалуйста, – заверещал мальчишка.

Люди, суетившиеся подле костров и внимательно наблюдавшие за происходящим, дружно загоготали. Остальные мальчишки отбежали было в сторонку, но теперь высовывались из-за кустов, желая узнать, достанется их приятелю от хмурого воина или нет.

Эрик тем временем так и не выпустил мальчугана, и тот смиренно поплелся вглубь острова, показывая дорогу. Время от времени он оглядывался, смекая, как бы дать стрекача, но Эрик молча грозил ему здоровенным кулаком, и отрок смиренно продолжал путь.

Идти пришлось недолго. Вопреки ожиданиям Эрика, тропинка не вывела их в деревню, а обогнула ее и начала петлять дальше, все больше уводя в сторону от места, где путе-

шественники разбили лагерь.

– Она одна, что ли, живет, старуха твоя? – не выдержав, поинтересовался Эрик. Он был все еще очень зол на мальчишку, но любопытство оказалось сильнее.

– Нет, не одна, – пискнул мальчуган и вскинул на Эрика испуганные глаза.

– Там что, еще деревня есть? – снова поинтересовался Эрик.

– Нет, – так же испуганно ответил мальчишка. – Бабка не в деревне живет...

– Так я же спрашивал, одна? – Эрик начинал злиться на непонятливого паренька с новой силой.

Отрок уже готов был пустить слезу, но воин больше не задавал вопросов. Он уж увидел сам, что тропинка, пронизав небольшую рощицу, упирается в порог небольшой хижины-развалюхи.

Перед хижинкой виднелись грядки, на которых росли неизвестные Эрику, но, видать, нужные травы, потому что среди них копошилась старуха, одетая в штопаную, но чистую рубаху.

Едва завидев старуху, мальчуган испустил истошный вопль:

«Бабаня!» – и, осмелев, рванул прочь от Эрика.

Старуха моментально выпрямилась, поймала подлетевшего к ней внука и встала, широко расставив ноги и уперев руки в бока.

Мальчишка примостился рядом, выглядывая из-за бабкиной спины.

– Тебе чего от дитя нужно? – угрожающе осведомилась старуха.

Мальчишка тихо захныкал в бабкину юбку, всем своим видом показывая, до чего же ему страшно и тошно, как напугал его чужой здоровенный воин, и вообще, как плохо ему пришлось.

– Мне от него ничего не нужно, – буркнул Эрик. – Это он хорошие советы за мзду продавать с малолетства научен...

– За какую такую мзду? – удивилась бабка, – Какие еще советы?

– Да вот спросил я твоего внука, где могу здесь найти человека, чтоб моему раненому слуге помог, а он стал за это подарка требовать.

По тому, как с каждым словом все более темнело бабкино лицо, Эрик понял, что не бабка научила отрока так зарабатывать деньги. В подтверждение этому старуха вдруг завела руку за спину и, не глядя, тут же вытащила оттуда сорванца за ухо. Тот, только было примолкнувший, начал визжать с новой силой.

– Это кто ж тебя надоумил на такое? – тем временем напустилась на внука старуха.

– Никто! – заскулил тот, даже не пытаясь вывернуться из цепких бабкиных рук – того гляди, без уха останешься.

Бабка тем временем продолжала отчитывать внука.

– Посмотрели бы на тебя покойные родители, вот бы уж наплакались.

При этих словах из глаз мальчишки брызнули слезы, а бабка, спохватившись, что сказала что-то из того, что говорить не следовало, отпустила ярко-малиновое ухо и, обхватив мальчишку обеими руками, сама начала причитать чуть ли не в голос, оплакивая мальчишкиных родителей.

Эрик подумал, что умерли они, по всей видимости, совсем недавно, и боль потери еще очень остра и для мальчишки и для этой шумной, но, видать, добродушной старушки.

Наконец старуха утерла глаза кончиком драного платка, которым была повязана ее голова, и обратилась к Эрику:

– Тебе что надо-то было? Раненый, говоришь, у тебя?

– Раненый, – подтвердил Эрик. – Уж и не знаю, выживет или нет, – добавил он совсем угрюмо.

– Так где ж он? – засуетилась бабка.

– Я его там оставил, возле лагеря, – ответил Эрик.

– Ну, пойдем, пойдем, покажешь мне его. Я сейчас, только руки ополосну.

С этими словами она скрылась в домишке, но почти сразу же показалась вновь и, кивнув Эрику, бодро зашагала по тропинке. Эрик пошел за ней. Мальчишка, то и дело ощупывая пострадавшее ухо, следовал за Эриком, стараясь слишком к нему не приближаться.

Наконец они вышли к лагерю. Эрик указал на лежащего возле куста Плишку, и старуха склонилась над ним. Эрик

стоял в сторонке, не желая мешать, а еще более стараясь как можно более оттянуть момент, когда придется выслушать от старухи преданному слуге..

Однако лицо старухи, когда она наконец повернулась к нему, было не опечаленным, а гневным.

– Это кто ж его тут пользовал? – спросила она, грозно поглядывая на Эрика.

– Да лекарь наш, киевский, – нехотя признался тот. Удивительное дело, но рядом с этой старухой даже он – зрелый муж, храбрый воин, чувствовал себя несмышленным отроком.

– Я бы вашему лекарю собачонки поганой врачевать не доверила, – фыркнула старуха, – чуть было не заморил парня.

Люди, расположившиеся возле костров неподалеку от лежащего Плишки, засмеялись. Лекаря на лодьях невзлюбили и за знающего человека не почитали.

– Ну, что стоишь? – продолжала бабка свою гневную речь. – Или думаешь, что я его сама до хибары донесу?

Эрик оторопело посмотрел на бабуку, потом осторожно поднял Плишку на руки и зашагал в сторону старухино дома. Та семенила за ним следом, не переставая ворчать под нос что-то по поводу невесть куда запропастившегося внука. Потревоженный больно жалостно стонал, не открывая сомкнутых век.

В хижине Эрик осторожно уложил Плишку на кучу све-

жескошенной душистой травы и оглянулся на хозяйку.

– Ступай, ступай, воин, – шепнула она ему. – Теперь уж мне пора за дело приниматься.

Эрик покорно вышел, примостился на бревнышке и терпеливо ждал известий. Ждал, разрешит ли ему бабка войти посмотреть на исцеленного Плишку или отправит в рощу за деревом для домовины.

Незаметно склонилось к закату солнце, опустились на остров сиреневые сумерки. С моря подул прохладный ветер, принес с собой запах водяной травы и разогнал полчища злющих комаров-кровопийцев.

Эрик измаялся душой, ожидая бабку, поэтому, когда дверь хибарки скрипнула и приоткрылась, он бросился навстречу. Но вместо согбенной фигуры старухи на пороге встала молодая статная девица. Эрик лицом к лицу столкнулся с ней и ошеломился.

«Ну, бабка! – пронеслось у него в голове. – Никак, обернулась!»

Не раз слышал он в Киеве байки о ведьмах, которые с приходом ночи перекидывались в молодых девок и отбирали у парней силы. Бывало, и в кошек черных обращались, в лошадей и свиней – черных же. Молоко у коров выпивали, портили скот, топтали жито... Одну такую ведьму подранил храбрый парень – кинул мотыгой в черную, огромную свинью и повредил ей ногу, а пошли утром по деревне и видят – у бабки, что бобылкой на окраине живет, рука тряпками замотана

и кровью сочится. Ясно дело, растерзали ее...

Первой пришла в себя девица: метнулась в сторону, как угорелая кошка и завизжала. Неожиданно для самого себя Эрик подскочил к ней и зажал ей рот ладонью. Не слишком нежным получилось объятие, но хоть переполоху не учинит взбалмошная девка!

– Я сейчас отпущу тебя, только не кричи, – выждав некоторое время, медленно и очень отчетливо проговорил Эрик. – Поняла?

Полонянка быстро-быстро замотала головой, и Эрик отпустил ее. Девушка лихо отпрыгнула в сторону, и Эрику показалось, что она все же завопит. Но она спокойно спросила:

– Ты кто таков?

– Тебе этого знать не надобно, – сурово ответил Эрик.

– Как это не надобно? – возмутилась девушка. – Нападает как тать какой, пугает до смерти, так еще и имени говорить не хочет!

– Что тебе мое имя? – уже более мягко спросил Эрик. – Да ну так уж и быть, скажу, все равно больше не свидимся. Я гридень великого князя Владимира. Путь держу с купцами в Византию.

– А что ты возле нашего дома околачиваешься? Мы ничем не торгуем...

– А я и не за товаром пришел, – отвечал Эрик. – Слуга тут мой у местной лекарки обретается.

– А-а, так вот кого бабка пестует. А чего ж ты дожидаеться-

ся? – удивилась девушка. – Или думаешь, что он уж к утру здоров будет?

– Я, по чести сказать, другого жду, – признался Эрик. – Как бы он к утру дух не испустил.

– Ну это ты зря говоришь. Бабка и не таких выхаживала – она свое дело знает! – торопливо сказала девушка.

Не сказать, что Эрик так сразу поверил в то, что старуха умеет творить чудеса, но кое-какая надежда в нем все же проснулась.

– А ты кем старухе приходишься-то? – поинтересовался Эрик.

– Внучка я ее.

– Так мальчуган твой сын, что ли?

– Нет, брат...

Эрик понял, что вопроса о родителях девушке задавать не стоит – глядишь, расплчется еще, как старуха с мальчуганом.

Тем временем уже совсем стемнело. Только через подслеповатое окошко пробивались отблески горящего в доме очага. В сгустившейся темноте уже нельзя было различить черты лица, а разговаривать с невидимым собеседником – дело не из приятных.

Словно поняв это, девушка повернулась к дому, но, перед тем как скрыться за дверью, обернулась:

– Ты где ночевать-то станешь, воин?

– Наши на берегу расположились, там и заночую, – отве-

тил Эрик.

Девушка больше ничего не сказала и исчезла в доме, будто ее и не было.

Эрик шел до стоянки почитай что наугад, обдумывая по пути разговор с девушкой. Ишь, какая смелая! Не смутилась нимало, разговаривала с ним, не заботясь, что человек он чужой, пришлый, неизвестно, что у него на уме. А как узнала, что он княжеский гридень, никакого трепета не выказала.

Что и говорить, до Киева тут далеко, нравы не так строги. Много пришлых незнакомцев появляется на острове – вот и пообвыклись местные жители, даже красные девушки, не смущаться, не сторожиться, со всеми равно разговаривать. Всякого народа здесь поселилось – не так крепки дедовские обычаи, не так их блюдут. Так и живут – свободно, без страха-трепета...

По правде говоря, девушка даже понравилась Эрику своей простотой в обращении – это вам не княжий терем, где каждый друг с другом раскланивается, а за спиной козни строит, где нельзя верить ни одному слову, где даже князь может оказаться жертвой коварства да вероломства.

Вообще же Эрика более всего волновало состояние Плишки. Он представить себе не мог, как поступить с ним дальше. Ясное дело: не перенесет он, хворый такой, морского пути, а до дому далеко.

Дойдя до лагеря, как оказалось потом, кружным путем, Эрик тотчас улегся спать, благо, что костры освещали стоян-

ку неровным желтовато-красным светом, и Эрик достаточно быстро добрался до места, куда выгрузил свои вещи. Правда, при этом приходилось все время переступать через спящих людей и обходить костры.

ГЛАВА 4

Эрик проснулся ни свет ни заря и сразу же отправился проведать Плишку. Как он и думал, все обитатели хижины уже отошли от сна к делам дневным.

Вчерашняя его собеседница возилась в огороде, мальчишка вертелся неподалеку, не проявляя, однако, особого желания помочь сестре. Старухи не было видно.

Увидев Эрика, девушка поднялась с грядки, отряхивая перепачканные землей руки, и улыбнулась.

– Доброго утра, – сказал Эрик, сочтя улыбку девушки за хороший знак – вряд ли она стала бы улыбаться, если Плишке было бы хуже.

– И тебе доброго, – ответила девушка.

– Мне бы узнать, как там мой слуга...

– Отчего же не узнать, проходи в дом, бабушка там.

Заметив, что Эрик в нерешительности топчется возле входа, она добавила:

– Да не бойся ты, бабушка не кусается.

Мальчишка, внимательно прислушивающийся к разговору, захихикал, но, памятуя о своих вчерашних приключениях, счел за лучшее отойти подальше.

Чтобы протиснуться в дверь скромного жилища, Эрику пришлось пригнуться. Он оказался в небольшой полутемной комнате с земляными полами и низким закопченным потол-

ком. В нос ударил терпкий запах каких-то трав, пучки которых были развешаны по стенам. В прошлый раз Эрик был здесь затемно, теперь же, при свете, дня он с любопытством оглядывался по сторонам.

Плишка лежал на том самом месте, где Эрик оставил его накануне и, казалось, даже в той самой позе. Старуха суежилась возле очага, стряпала что-то. Увидев Эрика, она коротко ему кивнула и сделала знак, что тот может подойти к ложу.

Эрик не стал мешкать. Ему сразу же бросилось в глаза, что Плишка выглядит много лучше против вчерашнего. Глаза его были закрыты, но не в тяжком бредовом забытье, а здоровым, крепким, целительным сном.

Эрик полюбовался на спящего Плишку и обратился к старухе, которая давно искоса наблюдала за ним, помешивая какое-то булькающее на огне варево:

– Спасибо тебе за помощь, добрая женщина. Скажи, чем заплатить тебе за помощь, за лечение?

– А к чему торопиться? Он еще не поправился, – проворчала старуха.

– Так в путь нам скоро отправляться, – ответил Эрик и, покосившись на спящего Плишку, вновь подумал о том, как трудно придется ему в морском путешествии.

– Какой путь? – воскликнула бабка, но, вспомнив, что Плишка спит, стала говорить тише. – Какой путь, мил человек? Он чуть было дух не испустил, только-только начал приходить в себя, а ты его опять угробить пытаешься. Я ста-

ралась, лечила – все зря, значит?

– Что ж мне с ним делать? – удивился Эрик. – Не брошу же я его одного в чужом селенье.

Бабка хитро прищурила глаз.

– А ты оставь его у меня...

– Да что ты, бабушка! Как это оставить?

– Да так вот и оставь, – продолжила как ни в чем не бывало старуха. – Ты ведь все равно осенью этим путем возвращаться будешь, вот и забереши своего молодца живым и здоровым. А до Константинова града он не доедет, в пути помрет.

– Что-то я не пойму, бабушка, тебе-то какой прок в том, чтобы Плишка тут оставался? – недоверчиво косясь на старуху, поинтересовался Эрик. – Или ты много выгоды от меня получить хочешь?

– Гривен не попрошу, не бойся, – обиделась старуха. – А выгоду свою действительно поимею. Слуга твой скоро поправится. Он мужик дюжий, а у меня вон хлев совсем покопсился, да и домишко – дунь – развалится. К тому же мужик, он завсегда в доме пригодится. Вот только недавно, кажись, сыночка моего не стало, а гляди, в какую разруху впали...

Эрик слушал дальнейшую болтовню старухи уже в полуха. Не по душе ему было оставлять Плишку у чужих людей, на неведомом острове, но куда его тащить, полуживого? На верную гибель? Потому, укрепившись сердцем, Эрик согласился со старухой.

– Права ты, старая, – сказал он наконец, и бабка вдруг

улыбнулась, отчего ее морщинистое лицо помолодело лет на двадцать. Эрик подумал, что в молодости старуха была, должно быть, очень красива. Тогда становилось понятно, в кого уродилась такой красавицей внучка.

— Ну вот и ладно, — затараторила бабка. — Ты, милоч, не беспокойся, поправится твой слуга, крепче прежнего будет. А ты отправляйся свои дела делать, и тебе пусть счастья прибудет...

— Рано ты меня провожаешь. Перед отъездом я еще загляну, — буркнул Эрик, вновь засомневавшись в своем решении.

— Приходи, приходи, конечно, проститься-то обязательно нужно, — поддакнула бабка. По всему видно было, что она уже представляет себе, как будет выглядеть ее, обновленное руками Плишки, хозяйство.

Эрик кивнул головой и, бросив взгляд на мирно посапывающего Плишку, вышел из дома.

ГЛАВА 5

Бодро шагал Эрик по узенькой тропке, сердце наполнилось радостью. Выживет Плишка, хоть и не повидает Константинополя. А как мечтал! Ну да ничего, Нюта его живо утешит. Справная девка, что и говорить!

Прошло еще два дня, и наконец караван собрался продолжать свой путь. За это время Эрик не раз и не два посетил хитрую бабу-лекарку. Плишка пребывал в твердом уме и хоть не окреп еще, но бояться за жизнь его уж не приходилось – крепко взялась за него лекарка.

Поначалу он удивился, когда узнал, что ему придется остаться на острове и отрабатывать свое спасение.

– А хозяин как же? – вопрошал он. – Нет, не удержите меня. Хоть загнусь, да рядом с господином.

Но его уговорили, и жарче всех молила его остаться милая Нюта, хозяйкина внучка. Свел их, видно, добрый бог Ладос – глаз не спускал Плишка с девичьего лица, да и Нюта смотрела на него ласково.

Эрик только ухмылялся в усы – не хочет сейчас Плишка хозяина покидать, а потом, может статься, с острова уезжать не захочет. Всяко в мире бывает!

На прощание княжеский посол поманил бабу за собой и, когда вышли из дома, сунул ей кошель со звонкими монетами.

– Зачем нам, милый! – замахала на него бабка. – Туточки, на острове, бляшки эти без надобности.

– Ну ладно, старая, – поразмыслив, согласился Эрик. – Тогда ответь мне на один вопрос.

– Чего это? – насупилась бабка.

– Ты – ведьма?

Бабка засмеялась, как молоденькая.

– Что ты, боярин, какая ж я ведьма! Просто знаю кой-какие травки тайные. Ну ступай, ступай. Ишь, придумал... Ведьма...

Эрик уже углубился в рощу, а все слышал за своей спиной бабкин смех.

На рассвете, чуть затеплилась денница, подняли якоря на лодиях и поставили ветрила. Задул свежий ветер, и лодии, как белые чайки, на упругих парусных крылах, вылетели навстречу Русскому морю.

Опасен был путь по морю, опасней, чем все днепровские пороги. В любой момент могла налететь лютая буря, разбросать лодии, разбить их и выкинуть на берега лишь осколки да бездыханные тела.

Даже если лодия переживала бурю, оставалась стоять на воде – все равно урон ей наносился немалый. А причалишь для починки к берегу – те же печенег подстерегут, нападут, аки тати, на усталых путешественников. И опомниться не успеешь, а уж неминуема жестокая гибель!

Но были в море свои законы взаимной выручки. Держа-

лись все вместе, ссор и распрей не допускали. Если одна лодия к берегу идет, остальные за ней. Не нападали тогда печенеги, или, если вступали в бой, все равно отбиться было легче.

На этот раз Русское море миновали счастливо. Погоды стояли ясные, попутный ветер наполнял паруса. Но не обошлось и без приключений.

Эрик переносил плавание хорошо, видимо, сказывалась кровь извечных мореплавателей-викингов. Некоторые же из путешественников страдали морской болезнью. Хуже всех приходилось несчастному лекарю, который когда-то так бездарно пытался лечить Плишку. Почти весь путь он провел, свесившись за борт лодии, и, должно быть, распугал всю рыбу в Русском море. Выглядел лекарь плохо – он позеленел, глаза запали. Как только налетал легчайший ветерок, валился с ног и призывал на помощь всех богов. Он ни на минуту не находил покоя.

Эрик, сидя на корме, наблюдал его страдания, сжимал пересохшие от морского ветра губы и задавался вопросом: зачем было тащить за собой такого негодного лекаря, которого самого надо лечить всю дорогу?

Всего три раза приставали к берегу за время морского путешествия. Нужно было починить лодьи, добрать пресной водицы, да и люди нуждались в отдыхе после непрерывной качки. В эти короткие часы отдыха Эрик обращался мыслями к Плишке, оставшемуся на берегу. Он был теперь уверен,

что поступил правильно – не перенес бы Плишка плавания. Но беспокойство не унималось: как там поправляется верный слуга? Не утруждает ли его бабка непосильным трудом? Но, поразмыслив, Эрик решил, что Плишка сам из кожи вон полезет, лишь бы угодить красавице Нюте.

Временами, когда даже ему, сильному и выносливому, становилось тошно от бесконечного водного пространства, простирающегося вокруг, Эрик начинал испытывать нечто вроде зависти к Плишке. Он-то на берегу, на твердой земле, рядом милая девушка, и единственная опасность, которая ему грозит, так это перетрудиться, поправляя хозяйкин хлев.

Эрик вздыхал и пытался отвести глаза от нестерпимо сияющей на солнце морской глади, но некуда было отвернуться: даже сквозь закрытые веки слепила ядовито-зеленая вода и не было ей ни конца ни краю. К тому ж истощались уже запасы пресной воды.

С каждым днем угрюмее становились лица мореплавателей, но всему на свете приходит конец. Подошло к завершению и многотрудное путешествие – караван подплывал к Константинополю. Было это ранним утром в начале лета...

ГЛАВА 6

Эрику не приходилось ранее уезжать столь далеко от родины. Приходилось, конечно, покидать пределы княжества по поручениям Владимира, но еще никогда его путь не лежал так далеко.

Константинополь, или, как его называли на Руси, Царьград, поразил Эрика. Большой город Киев, много в нем людей живет, но с Константинополем его и сравнить нельзя. Жизнь была в этом городе ключом. Да и как могло быть иначе? Люди-то здесь самые разные, и пришлых много. Не сидят на старине глубокой, не блюдут свято прежних обычаев – на каждом шагу у них что-то новое или совсем чужое, с другого края мира завезенное.

Даже люди здесь были другие. Когда Эрик впервые увидел агарянина – черного, как уголь, в слепящих белых одеждах и высоком тюране, то себя не вспомнил и света белого не взвидел. Только степенно вышагивающий рядом Скородум, всласть насмеявшись, растолковал ему, что это тоже человек, только масти другой. Эрик устыдился своего страха и твердо обещал себе ничему больше не удивляться и ничего не пугаться.

Случилось это по пути на постоялый двор, где издавна останавливались приехавшие с Руси торговцы. Постоялый двор был построен достаточно давно и наверняка помнил

еще княгиню Ольгу, с того времени, когда она посещала Константинополь.

Хозяин постоялого двора – краснощекий грек с хитрыми глазами – обрадовался постояльцам, как родным. Многих из ныне прибывших хозяин уже не раз принимал у себя прежде и знал, что постояльцы они выгодные и в убытке он не останется. Оттого и расплылось широкое лицо грека в масляной радушной улыбке.

Эрику хозяин не понравился с самого начала. Людей с двойной личиной он чувствовал сразу. А грек, хоть и сладко улыбался, но за все драл втридорога, да еще и подбирал, что плохо лежит.

Однако пока Эрика хозяин мало волновал, поскольку никаких общих дел он с ним не имел и иметь в будущем не собирался. А значит, и забивать себе голову этим не имело никакого смысла.

Прежде всего Эрику теперь нужно было добиться аудиенции с одним из императоров и изложить цель своего визита. Этим он и решил заняться сразу, не откладывая столь важное дело даже до следующего дня.

Конечно, хорошо бы явиться к императору при почете! Владимир и хотел спервоначалу отослать с Эриком полсотни людей, но, поразмыслив, решение свое отменил. Ведь не испрашивать веру прислан Эрик, а узнавать о ней все, досконально. Уж потом, когда решит князь, что Руси больше подходит, отправит посланца с пышным почетом, с богатыми

подарками. Эрик тоже вез дары, но потом они будут несравненно богаче и щедрей!

И в первый же день, немного передохнув, направил посланец стопы свои ко двору. Однако и подворье покинуть не успел, как понаехали люди императора и пояснили: есть в Царьграде свои законы на случай наезда иноземных гостей. Приятно удивились императорские люди, что посланнику не требуется толмач, он свободно говорит на греческом.

Сначала пришедшие переписали всех новоприбывших, причем, как узнал Эрик позднее, переписи подлежали лишь мужчины, женщин за людей в Константинополе не считали. После того как все купцы были переписаны, каждому из них определили месячное содержание, в которое входили вино, хлеб, мясо, рыба и овощи. Также прибывшие могли пользоваться местной баней, сколь душа пожелает.

Эрик же был занесен в отдельный список, где значились имена послов. Он отдавался потом во дворец, и там уже решалась очередность посещения ими императоров.

Наконец, пообещав вскоре прийти снова и сообщить Эрику о дне визита, люди императора ушли. Купцы тут же организовали буйное застолье, которое, совершенно очевидно, состояло не из продуктов, входящих в их ежедневное содержание. Глядя на ломящийся от разнообразной снеди стол, Эрик думал, что хитрец грек не зря так радовался приезду росичей. Если они хоть единожды за время своего пребывания в Константинополе заказывали такой стол, то в убытке

хозяин постоянного двора не оставался.

Купцы звали Эрика присоединиться к их пирушке, но тот отказался, сославшись на то, что после морского пути еще не пришел в себя. На самом же деле Эрик был весьма равнодушен ко всем видам хмельных напитков без исключения, пил изредка и очень мало, а смотреть ему, трезвому, на раскрасневшиеся пьяные купеческие лица и вовсе не хотелось.

Отказавшись от угощения, Эрик понял, что делать ему нечего, и решил хотя бы осмотреть город. Благо, что день еще только начинался.

Выйдя из дверей постоянного двора, Эрик долго шел наугад, петляя по извилистым улочкам чужого города, пристально приглядываясь к нему, стараясь понять законы, по которым живут здешние обитатели, продумывая заодно те слова, которые он скажет при встрече императору, когда совершенно внезапно тихая улица вывела его к шумному, галдящему базару.

Чего только не было на этом базаре! Дивные вещи, и вещи, о которых Эрик и не слышал никогда, даже названия им не знал. Обрывки незнакомой речи – то протяжной и плавной, то быстрой и гортанной, похожей на вскрики какой-то необыкновенной птицы, – доносились до него со всех сторон.

Но Эрика мало интересовали товары. Гостинцев для матери и сестры можно будет закупить позже. Теперь же он просто гулял. Бурлил базар, а он шествовал среди пестрой

толпы – чужеземец среди чужеземцев, никому не знакомый. И по нраву ему было его одиночество и неузнанность и шумное кипение незнаемой пока жизни вокруг.

Течение толпы вывело его к небольшой площади, где шла бойкая торговля рабами. Эрик нахмурился. Рабов брали в бою, или они передавались со своими детьми и внуками от сына к отцу, по ряду... Но никто не продавал их, как скот – во всяком случае, Эрик никогда этого не делал. И надеялся, что не придется этого делать впредь.

Он уже повернулся, чтобы уходить, но тут внимание привлекло действие, происходящее в стороне от площадки, на которой выставлялись рабы. Здоровенный мужик избивал худенькую маленькую девушку. Одного взгляда Эрику было достаточно для того, чтобы понять, что девушка, скорее всего, рабыня, а здоровый, исходящий звериной злобой мужик – ее хозяин.

Девушка не сопротивлялась, она только старалась прикрыться руками, но удары все равно достигали своей цели, что вызывало у бедняжки душераздирающие рыдания.

Эрик от души посочувствовал девушке. Но что он мог поделать? Чужая страна, чужой город, чужие нравы... Но ноги сами понесли его к мужику и девушке. Врезавшись в толпу как камень, выпущенный из пращи, он схватил торговца за ворот, во мгновение ока оторвал его от жертвы и ударил кулаком по лицу, что было сил.

И продолжал бить – жестоко, зверски, что хватало мощи,

только и видя, как при каждом ударе вспыхивает на занесенной руке алая звездочка перстня-оберега...

Внезапно пришло отрезвление, руки разжались, и тело торговца, как кусок перекишшего теста, сползло на землю и распласталось возле его ног.

Что делать дальше, Эрик не знал. Судя по всему, лучшее, что он мог сделать, это быстро исчезнуть с этого места. Тогда, быть может, его не найдут и все утихнет само собой. Торговец поправится, снова начнет заниматься своим неблагодарным ремеслом, продаст, в конце концов, и эту неказистую костлявую невольницу...

Вот это-то Эрика и не устраивало больше всего. Он сам не знал, когда, собственно, пришел к выводу, что ему совсем не хочется оставлять девушку на поругание ее полуживому хозяину, поскольку времени на обдумывание этого вопроса у него, но так или иначе убежать он не стал. Так и остался стоять над поверженным врагом, скрестив руки на груди. Девушка-рабыня тем временем отползла в сторону. Плакать она перестала, и теперь на ее лице застыло выражение животного ужаса.

Да и как ей было не бояться? Поправится хозяин, и тогда ей уж точно несдобровать, хорошо, если не забьет до смерти. Если же не поправится, то судьба становится вообще неясной, но ожидать от нее можно только самого худшего. Скорее всего, девушка проклинала про себя незадачливого заступника. Не вмешайся он, ей бы досталось, конечно, потом

хозяин продал бы ее, и, кто знает, быть может, новый хозяин был бы не так уж и плох.

Наконец на площади показались стражи, которые должны были следить за порядком на базаре, – дюжие ребята, вооруженные мечами и короткими кинжалами, более всего пригодными для метания. Они мгновенно окружили Эрика, готовые отразить любой его выпад. Но, видя, что он по-прежнему стоит не двигаясь, убрали мечи в ножны.

Нашлись добрые люди, растолковали стражам, что молодой посол от славян чуть не до смерти убил купца фряжского только за то, что тот учил уму-разуму свою рабыню, т. е. распоряжался своим же имуществом. Кончилось все тем, что Эрика отвели в суд. Усмехаясь и загадочно качая головой, шествовал Эрик по константинопольским улочкам в сопровождении двух стражников. Нечего сказать, отличился русский посол – первый день в Византии, а уж затеял драку!

Маленький, сухонький судья со скучающим видом выслушал дело молодого посла, почесал темя и задумался. С одной стороны, славянин, конечно, был виновен и должен был понести наказание, но с другой стороны – хлопотно и небезопасно связываться с послами. Лучше решить все миром.

В конце концов раздираемый сомнениями судья вынес приговор, который неминуемо привел бы в бешенство работорговца, если бы тот только был в состоянии присутствовать на суде. Судья постановил отпустить Эрика на свободу с тем, чтобы он возместил урон работорговцу, выплатив ему

стоимость виновной во всем произошедшем рабыни. Саму же рабыню ее хозяину должен был наказать за то, что своими неуместными криками она ввела в заблуждение гостя из далекой страны и тем самым послужила причиной разыгравшейся трагедии.

Зачитав приговор, судья остался очень доволен собой, ведь в конечном итоге никто не оказался в проигрыше, если не считать глупую девку. Но кто обращает внимание на рабов и кто ценит их жизнь?

Эрику, однако же, приговор судьи вовсе не понравился. Он считал, что суд существует для того, чтобы наказывать виновных. На Руси иной раз виновный оставался безнаказанным, но суд хоть старался достичь справедливости. Здесь же о справедливости не могло идти и речи.

Нет, не этого ждал Эрик! Кабы судья засудил его, неизвестного никому приезжего, все бы было ясно! Но он отчего-то порешил иначе. И мзды в свою пользу не затребовал. Потянулась рука молодца к затылку, почесать его, как водится в непонятном деле... И увидел он перстень, который словно бы подмигнул ему – мелькнул в черном багровый огонек и пропал. Сколько ни пялился Эрик в матовую глубину камня, ничего больше не увидел.

Солнце уже клонилось к закату, когда Эрик возвращался на постоялый двор. Медленно шел он по улице чужого города, но уже не озирался по сторонам – мысли были заняты другим. Не шла из головы маленькая рабыня, из-за которой

ввязался в такую кутерьму. Что-то теперь будет с нею? Хозяин сейчас отлеживается от увечий, не до нее ему. А как поправится, выместит на ней всю злобу.

Нельзя оставлять ее хозяину! Незнакомая раньше жалость и нежность завладела душой сурового варяга. Войдя на подворье, он уже знал, что выкупит приглянувшуюся невольницу, но не знал еще, куда денет ее после этого и что будет с нею делать.

ГЛАВА 7

Сказано-сделано: с великой выгодой продал Эрик несколько соболиных сороков – подарок князя, и отправился с мощной к давешнему торговцу, прикидывая в уме, что хватит барышей не только заплатить в суде оговоренные деньги, не только выкупить маленькую рабыню, но и самого хозяина купить со всеми потрохами, что Эрик из него еще не повытряс!

В таких раздумьях Эрик не заметил, как вышел к дому работорговца. Хмыкнул, окинув взглядом высокую ограду. Возле ворот стояла вооруженная стража. «Крепко живет!» – решил Эрик и остановился. А когда попросил стражу передать хозяину о его приходе, ухмыльнулся в усы, представив, как обомлел бы вчерашний старикашка-судья, кабы узнал, что варвар, тарасившийся на него придурковато, не хуже него понимает греческий.

Один из стражников, немолодой уже человек с посеребрёнными сединой волосами, ответил, что хозяин болен и никого не принимает. Эрик, однако, не для того проделал свой путь, чтобы уйти ни с чем.

– Доложите своему хозяину, что человек, виновный в его нынешнем состоянии, хочет видеть его и говорить с ним, – заявил он без тени сомнения в голосе.

Стражники переглянулись. По всей видимости, они зна-

ли, какие страшные изменения произошли с внешностью их и без того не слишком симпатичного хозяина.

– Я доложу, – наконец буркнул старший из охранников и исчез в глубине двора. Второй сразу же занял его место, воинственно поглядывая на Эрика.

Эрик смерил взглядом его фигуру и не без удовольствия понял, что, приведись, завалил бы юнца голыми руками, и не помогли бы ему ни меч, ни кинжал. На медведя ходил, а тут ишь ты! А почему такое в голову пришло, сам понять не мог. Велико, видать, было его желание выкупить маленькую рабу, если готов был безоружным идти на воинов ее хозяина!

И понимал ведь Эрик, что не для того посылал его князь в Константинополь! Не дело, конечно, в чужой стране такое творить, а что ж теперь поделаешь? Недаром, видать, еще будучи простым гриднем, прослыл он человеком своеобразным, даже княжью волю выполняющим по своему разумению. Быть может, за это и ценил его князь, за это к себе и приблизил.

Тем временем в дверях показался стражник. Он кинул на Эрика мрачный взгляд, и тот уж было решил, что торговец велит гнать с глаз долой своего вчерашнего обидчика. Но стражник коротко кивнул Эрику и сказал:

– Хозяин велел впустить тебя, только оружие отдай.

– Нет у меня оружия, – ответил Эрик, усмехнувшись. Сильно же напугался толстый торговец, коль даже в своем доме дрожит!

– А я проверю, – буркнул охранник и придвинулся к Эрику.

– Проверяй, – ухмыльнулся тот. – Хотя мне люди обычно на слово верят.

– Такому поверишь... – охранник быстро пробежал руками по телу Эрика в тщетной попытке найти припрятанное оружие.

– Сапоги сними, – сказал он, не обнаружив ничего подозрительного под одеждой.

Эрик одарил стража презрительным взглядом, но спорить не стал и, стянув сапоги, продемонстрировал их охраннику. Тот удовлетворенно кивнул.

Калитка, возле которой стояла охрана, вела в маленький внутренний дворик, сплошь заросший какими-то невиданными растениями. Во двор выходили двери двух построек. Одна из них, как решил Эрик, была хозяйским домом, а во второй, скорее всего, содержались рабы, предназначенные для продажи.

Стражник подвел Эрика к двери, возле которой сидел на корточках еще один охранник. Увидев чужака, он тотчас поднялся и повел Эрика дальше, а давешний вернулся на свой пост.

Пройдя по полутемным коридорам старого дома, Эрик оказался перед входом в большую комнату. Охранник велел Эрику подождать, а сам скрылся за занавесью, заменявшей дверь.

Через мгновение он появился вновь и, подав Эрику знак, что тот может войти, сам встал перед входом.

Эрик вошел и чуть не задохнулся. Внутри царила духота и мрак. Вся комната была устлана толстыми коврами и шкурами. Отчетливо пахло какими-то благовониями и клопами. На широченной кровати под балдахином лежал работорговец. Даже в полумраке виднелись багрово-синие отметины, которыми Эрик щедро разукрасил его лицо.

Торговец немигающим взглядом смотрел на Эрика и молчал, ожидая, когда тот начнет разговор. Не хотелось начинать, а пришлось – не молчать сюда пришел и не своей работой любоваться.

– Судья постановил выплатить тебе деньги по стоимости рабыни, которую ты вчера избивал, – без всякого вступления сказал Эрик и замолчал.

– Я знаю, – откликнулся гнусавым голосом торговец.

«Я ему и нос свернул! – ужаснулся в душе Эрик – Ну, теперь начнет лютовать!»

– Я принес тебе деньги.

Один глаз торговца сверкнул алчно. Второй бы тоже сверкнул, да заплыл под багровым кровоподтеком.

– Во сколько ты оценишь свою рабыню? – спросил Эрик.

Торговец молчал некоторое время, а затем тем же гнусавым голосом назвал сумму, на которую легко можно было купить не одну рабыню, а, по крайней мере пол-гарема. Эрик даже бровью не шевельнул – знал ведь, что захочет толсто-

мясый торговец побольше денег содрать с пришлого человека, который на него руку поднял, да вместо каторги только штраф получил! Думает, видно, что подкупил судью и денег у него видимо-невидимо!

Торговаться Эрик не стал, отсчитал милиарисии с изображением толстоусого императора Константина, набрал сумму вдвое больше названной и протянул торговцу. Тот начал пересчитывать их и когда он понял, что денег больше, чем ожидалось, перевел на Эрика удивленный взгляд.

– Это за рабыню, – пояснил Эрик. – Я покупаю ее.

– Нет, – ответил торговец и протянул Эрику лишние деньги.

– Почему? – сквозь зубы процедил Эрик.

– Она уже продана, – равнодушно ответил торговец своим гнусавым голосом – и какая радость плеснулась в его взгляде. Хоть чем-то досадил проклятому варвару!

– Когда ты успел? – спросил Эрик, и в голосе его торговцу послышалась явная угроза. Он съежился под одеялом, но затем вспомнил, что у дверей стоит охранник, и немного успокоился.

– Она была продана еще вчера, – объяснил он. Но теперь придется подождать, пока с нее сойдут синяки – не могу же я продавать ее в таком виде.

– Откажи покупателю. Я покупаю ее!

– Не могу, – ответил торговец. – Ее хочет купить очень богатый и уважаемый человек. Но ты не волнуйся, у меня

много красивых девушек, ты можешь купить любую из них.

Эрик понял, что торговаться бесполезно и, не произнеся больше ни слова, повернулся и вышел из комнаты. За его спиной скалился в гнусной улыбке торговец. Правда, из-за нанесенных накануне побоев улыбка получилась кривой, и торговец, застонав от боли, затих на атласных подушках, проклиная про себя славянских выродков.

Выходя из дверей дома, Эрик услышал, как стражники перемолвились о чем-то и загоготали. Эрик хотел было вернуться и узнать, что так рассмешило этих молодцов, но уловил в их речах кое-что и, хохотнув, удалился. Крепко не любили слуги своего хозяина, и не над чужеземцем смеялись сейчас, а над господской бедой.

На постоялом дворе еще никого не было: только два человека, приставленные к товару сторожами, резались в кости. Эрику они сообщили, что приходил императорский посланник и сообщил: завтра Эрика примет император Константин.

Эрик вздохнул и решил привести в порядок вещи, присланные князем Владимиром в дар императорам – в пути их хоть и хранили как зеницу ока, но мало ли что могло произойти в дальней дороге.

ГЛАВА 8

Когда на следующий день люди императора явились на постоянный двор, Эрик уже извелся в ожидании. Ради торжественного случая надел он припасенное новое платье и корзину – богатый плащ, подарок князя Владимира со своего княжеского плеча. И почет ему дал купец Скородум: четверо дюжих дружинников собрались вместе с Эриком ко двору. Он придиричиво оглядел сопровождающих: все было ладно, не стыдно перед византийским императором.

До Большого дворца Эрик со свитой ехал верхом, на конях, взятых ради такого случая на прокат все у того же владельца постоянного двора. Люди императора трусили вслед за ними.

Эрик видел, как пересмеивались его дружинники, да и сам не мог удержаться от улыбки – больно уж жалко выглядели императорские люди рядом с русскими воями.

Большой дворец был главной резиденцией императоров Византии. Великолепное здание насчитывало множество покоев, убранство которых не раз поражало послов и царствующих особ, побывавших во дворце. Но на самом деле роскошь Большого дворца была в большей степени показная. Среди императоров Византии были разные люди, попадались среди них талантливые и великодушные, мелочные и злые, жестокие и своенравные. Среди них были полководцы и ученые,

пьяницы и развратники. Но одно роднило их – все они преуменьшали богатства Византии, раздавали и раскрадывали ее сокровища. Теперь уже для любого мало-мальски важного приема приходилось собирать по всему дворцу ценные вещи: ковры, посуду, украшения, чтобы выставить их на видном месте и тем самым пустить пыль в глаза несведущим в этом деле гостям.

Эрик, конечно, понятия не имел о нищей роскоши дворца, а потому был поражен, оказавшись в ломившихся от сокровищ, покоях. Прием был назначен в Золотой палате, в которой обычно императоры встречали иноземных послов и прочих важных персон.

Ждать перед входом в Золотую палату Эрику пришлось довольно долго. С той стороны двери раздавались какие-то неясные звуки и приглушенный гул голосов, из чего Эрик сделал вывод, что императорский почет несказанно велик.

Наконец двери открылись, и Эрик, а за ним и дружинники вошли внутрь. Любого, кто впервые попадал в Золотую палату, тотчас охватывало благоговение при виде огромного пространства, где слепящий свет нескольких сот светильников отражался в начищенных до зеркального блеска мраморных полах и играл бликами на позолоте, хрустале, украшавших зал. В углу его, на высочайшем помосте, помещался отлитый из чистого серебра, украшенный позолотой и эмалью Соломонов трон для императора Византии Константина, рядом с ним на троне чуть меньшем сидел соцарствующий импера-

тор Роман. По обе стороны от императоров вдоль стен стояли многочисленные придворные. Выстроились они заранее по раз и навсегда заведенному порядку, учитывающему положение, занимаемое при дворе, и звание. Час приема приближался...

Когда Эрик переступил порог Золотой палаты, внутри царила полная тишина. Эрик пошел вперед, за ним следом двинулась свита дружинников. У многих из них в руках были дары, присланные императорам князем Владимиром.

Как только Эрик двинулся вперед, произошло чудо, которым императоры Византии любили поражать своих гостей. В тишине послышались мелодичные звуки и тихий звон – это на золотых деревьях, стоявших по бокам у входа, пришли в движение листья, а на их ветвях запели золоченые же птицы. Вслед за этим позолоченные львы, сидящие подле деревьев, начали бить хвостами и рычать, ничем не уступая своим собратьям.

Ничего подобного Эрику видеть не приходилось, и он, забыв на малое время свой обет ничему не удивляться, пошатнулся. Не устоять бы ему на ногах, кабы не евнухи, поддерживавшие его под локти. Но лицо Эрика осталось бесстрастным, словно и не в диковинку ему были ожившие золотые птицы и львы.

Подойдя к трону императора, Эрик преклонил колени. Ведомо было ему, что этим он нарушает вековую традицию – падать перед императором ниц, но и то было ведомо, что

он посланник князя, чья власть немногим меньше императорской.

Вряд ли императору пришлось по душе заносчивое поведение гордого русича, но виду он не показал – ни жилочки не дрогнуло на его лице, и внезапно он, восседающий в роскошном кресле, облаченный в пурпурный, золотом разузоренный дивитиссий, показался Эрику такой же золотой куклой с хитрым механизмом внутри, как птицы и львы. Сходство усугубил очередной трюк, имеющий целью впечатлить послов и потешить императорское самолюбие: с помощью какого-то скрытого механизма трон императора стал медленно подниматься над собравшимися.

В конце концов Константин поднялся на внушительную высоту, с которой и продолжал обозревать происходящее. Эрику этот трюк показался настолько смешным, что он не выдержал и усмехнулся. К счастью, такого рода неуважительное отношение к царствующей персоне осталось незамеченным.

Тут к Эрику подошел один из придворных и прошептал: – Император ждет твоего слова!

Эрик отмахнулся от непрошеного советчика, как от докучливой мухи, чем вызвал приглушенные смешки в тесных рядах придворных. Склонившись перед императором, Эрик повел речь:

– Прибыл я по воле великого князя Владимира, правителя Руси. Прodelав столь долгий путь, приехал я не с пустыми

руками. Великий князь Владимир в знак совершенной любви, мира и согласия между народами русским и греческим шлет императору дары, просит их принять на многие лета.

Тут же из-за спины Эрика выступил первый из дружинников и положил перед троном великолепно сделанное оружие, затем вышел второй, третий, четвертый... Знали уже в Византии щедрость русских князей, и многим памятливы были дары, данные княгиней Ольгой.

Не посрамил князь Владимир своей бабки: прислал императору белоснежные меха горностая и угольно-черные лисьи, дорогие самоцветы и редкостный горюч-камень, и вещицы из изукрашенного мастерами-умельцами морского зуба, и прочие ценности, при виде которых у многих царедворцев начинали алчно блеснуть глаза.

Императору дары пришлось по вкусу, но он ничем не выдал своих чувств – не хотел позволить непочтительному русу загордиться. Но видел Эрик жадный блеск глаз придворных, и видел, как заерзал на Соломоновом троне охочий до даров император. Так что все усилия Константина прошли всуе – Эрик понял, что дары оценены по достоинству, и, когда император холодным, как осенний дождь, тоном поблагодарил посла за дары, Эрик только усмехнулся про себя.

Когда все дары были преподнесены, император величественно склонил голову и произнес:

– Мы принимаем дары как знак любви и дружбы нерушимой и благодарим за них князя русов Владимира.

А потом свет в палате погас, и император исчез, словно его и вовсе тут не было. Но и это не поразило и не напугало хладнокровного воина. «Как дите малое забавляется!» — хмыкнул он про себя, направляя стопы к выходу из Золотой палаты.

Прием был окончен. Но Эрику предстоял еще разговор с императором Константином, в котором в общем-то и состояла цель визита. Его окружила толпа придворных, которые должны были галереями и переходами провести его в палату, где император пожелал принять посла для совместного обеда и беседы.

Любили византийские императоры пустить пыль в глаза! Палаты, через которые проводили Эрика, были задрапированы драгоценными тканями, уставлены дивными сосудами из серебра и золота, увешаны оружием самой мастерской работы — но кабы Эрик заглянул в одну из палат, для постороннего взора не предназначенных, что он узрел бы в них? Пыль, тлен, голые стены — все добро ободрали и снесли в посещаемые им галереи. К тому ж дурно пахло в этих палатах. Эрик улавливал неподобный запах и крутил головой: «Отхожих мест не чистят, что ли?»

Но богатства, сосредоточенные в этих палатах, поразили бы кого угодно. Не раз Эрик замедлял шаг, любуясь то кольчугой невиданно тонкой работы — каждое колечко украшал какой-нибудь самоцвет, то на диво выкованным мечом, крыж которого украшал также крупный драгоценный ка-

мень. Царские одежды и украшения, выставленные в поставках, не привлекали его внимания – к чему они воину?

Но на лице Эрик сохранял выражение полнейшего равнодушия, так что сопровождавшие его придворные начали даже переглядываться и шептаться – дескать, чего такого навидался посланец у себя на Руси, что ничем его прельстить нельзя?

В общем, если император Константин рассчитывал на то, что Эрик будет бурно проявлять свое восхищение и изумление, то он ошибся. Эрик молча проделал весь сложный путь по лабиринту дворца, глядя на выставленные здесь сокровища с интересом, но без благоговения. Только думалось ему, к чему так долго водят его эти люди по богатым палатам? Хотят ли, чтобы по приезде на родину рассказал он своему князю, сколь велика власть и неисчислимо богатство византийского императора? Так про то всем ведомо. Или просто приручить его хочет император, наполнить его душу покорностью и смирением? А может, искусить возмечтал?

И тут словно горячее чье-то дыхание обожгло лицо княжеского посла, а правую руку будто иголочкой кольнуло. Вздвогнув, поднес Эрик ладонь к лицу – ничего. Только в заветном перстне плеснул кровавый огонек.

И тут же взору его открылась небольшая палата, обитая бархатом багряного цвета – того же цвета, как отблеск в перстне. У небольшого раззолоченного стола сидел сам император Константин в высоком резном кресле. Собирался,

видимо, император пригласить княжеского посла к трапезе – стол ломился от яств. В вазах горами лежали виноград, финики, иные сладостные фрукты, на плоских блюдах разложены были лакомства, многим из которых Эрик и названия не знал, а кувшины наполнены были вином, источавшим небывалый аромат.

Император коротко кивнул Эрику в ответ на его поклон и указал унизированной перстнями рукой на кресло, приглашая садиться.

– Так с чем же приехал к нам посол от князя русов? – спросил Константин после того, как Эрик расположился в кресле.

– Великий князь Владимир прислал меня в Византию с важной миссией. От того, какой ответ привезу я князю, будет зависеть судьба всего народа русского.

Император был, видимо, заинтересован такого рода вступлением. Он промолчал после первой фразы Эрика, ожидая продолжения.

– Должно быть, император знает, что русы верят во множество богов, – пустился в объяснения Эрик. – Каждое племя, каждый род имеет своего бога-охранителя. Великий князь Владимир посчитал, что русам давно пора принять религию, которая была бы общей для всех людей. Великий князь склоняется к тому, чтобы окрестить Русь. Но прежде он хотел бы больше знать о христианстве, чтобы быть твердо уверенным в том, что сделает благо для народа и для госу-

дарства.

Император, несмотря на свои актерские способности, чуть было не подпрыгнул на высоком резном кресле. Обращение в христианство целого государства сулило Византии, а значит, императору лично, немислимые выгоды. Император об этом знал.

– Что ж, благое дело ввести истинную веру в варварской стране, – выдавил император, немного придя в себя. – Богоугодное дело задумал князь Владимир, а что до блага для страны, так оно очевидно...

– Князь хотел бы знать как можно больше подробностей, – перебил самого василевса Эрик. – Вполне возможно, что что-то придется не по вкусу князю...

– То есть, ты, посол, хочешь сказать, что тебе нужны убедительные доводы, которые могли бы помочь склонить князя Владимира к тому, чтобы окрестить Русь?

– Ум василевса достоин восхищения, – ответил Эрик.

– Что ж, я думаю, что мы найдем способ убедить тебя, посол, в том, что христианство – единственно истинная вера, и грешно даже думать о том, чтобы отдать предпочтение какой-либо иной религии. Для этого тебе нужно будет поговорить с нашими священниками. Надеюсь, что после беседы с ними у тебя не останется ни малейших сомнений в правильности выбора. Пока же, думаю, тебе нужно отдохнуть. Все же путь из твоей страны до Константинополя не близок...

С этими словами император Константин встал, дав по-

нять, что аудиенция окончена. Эрик поднялся вслед за ним и поклонился. Тотчас же в дверях появился слуга и повел Эрика к выходу.

Эрик направился на постоянный двор, а император – беседовать со своими советниками. Сомнения мучили императора: нужны ли послу действительно доказательства преимуществ христианской веры или он просто хочет извлечь как можно больше благ из своего положения?

И решено было Константином вкупе с многомудрыми советниками распознать, кто таков посол русов и нельзя ли за ним найти тайную или явную слабость. Знал император: потворствуя слабостям и страстям человеческим, можно пользоваться с успехом каким угодно человеком!

Каково же было удивление императора, когда оказалось, что этот самый посол успел натворить в Константинополе много дел и даже побывать в суде! Вот как можно прижать к ногтю своевольного посла! Но, поразмыслив, решил император Константин насилия над послом не учинять и таковым ему не грозить. Испугается, да уедет восвояси, а там такого наскажет князю про христиан... Лучше действовать добром и лаской. Предложить ему такую мзду, чтоб не мог он отказаться.

Вскоре пришло решение. Константин узнал о том, что, собственно, явилось причиной того, что Эрик попал под суд. Рабыня, простая рабыня! Что ж, вот оно – тайное оружие. Хотел княжий посол получить невольницу? Что ж, он ее по-

лучит. А там и смягчит свой гордый нрав.

ГЛАВА 9

Эрик был немало удивлен, когда на следующий день после разговора с императором Константином к нему вновь пришли люди василевса и уведомили о том, что завтра Эрику назначена встреча с советником Константина, что есть несколько важных вопросов, которые тот хотел бы обсудить с послом князя русов.

И вот снова большой дворец. Эрика встретили и проводили в небольшую, богато убранную комнату, предложили сесть. Тут же дверь открылась, и вошел невысокий плешивый муж, одетый неброско и скромно. Весь он был какой-то бледный, словно те мотыльки, которые вылетают в сумерки, словно выцвел под лучами жаркого Константинопольского солнца.

Он приветствовал Эрика наклоном головы и сел рядом.

– Приветствую тебя, посол русов, – сказал он.

– И я тебя приветствую, – ответил Эрик и вопросительно уставился на собеседника, в надежде, что тот все же представится. Его надежды не оказались напрасными:

– Ты, должно быть, хочешь знать, кто позвал тебя? Я советник императора Константина. Тайный советник, – особо заметил он и тонкие его губы сложились в улыбку, но глаза остались серьезными и холодными.

Эрик понимающе кивнул в ответ. Надо заметить, что че-

ловец, назвавшийся тайным советником императора Константина, не понравился ему сразу. Бледный, как моль, худой, и говорит странно, точно сочит с губ холодный, смертельный яд.

– Ты, наверное, понимаешь, зачем я призвал тебя. Это связано с твоей миссией, которую дал князь русичей.

Эрик кивнул головой. Он и так прекрасно понимал, что советник пригласил его не для того, чтобы утолить свое любопытство, взглянув на живого руса.

– Я бы хотел поговорить с тобой о том, что даст принятие Русью христианской веры обоим нашим государствам, – не дождавшись ответа, продолжил советник.

Эрик снова кивнул. При этом вид у него был настолько отсутствующий, что советник начал терять терпение. У него складывалось впечатление, что это он, а не этот варвар приехал с какой-то миссией в чужую страну, и это ему нужно убедить в чем-то человека, сидящего напротив него.

Отчасти это было верно – ведь Византия собиралась получить от предполагаемого крещения Руси слишком большие выгоды. Ради этого можно было как-никак пересилить себя и выступить даже в роли просителя. Однако просто так сдаваться советник не хотел. Как ни как и у него были свои преимущества перед этим заносчивым варваром.

– Будем говорить начистоту, – наконец не выдержал он. – Я не знаю, какой ответ вы собираетесь привезти своему князю. Вполне возможно, что он будет отрицательным, хотя, ви-

дит Бог – это было бы неправильным решением. Неправильным хотя бы исходя из интересов народа, из того блага, которое христианство принесет вашему государству. Но, возможно, у вас сложилось свое собственное мнение на этот счет.

Возможно также, вас абсолютно не заинтересует мое предложение, о котором я сейчас скажу. Если так, то мы найдем другие пути решения. Итак, на данный момент мы можем предложить вам сделку. Она заключается в том, что вы даете своему князю положительный отчет о своей поездке, а мы со своей стороны благодарим вас за это. Во-первых, деньгами, и, поверьте, не малыми...

Эрик ждал этого. Но кровавая ярость все равно залила ему глаза, горячей волной захлестнула сердце. Советник дрогнул, взглянув в свирепое лицо варвара и, суетливо поднявшись, подошел к дверям. Здесь он чувствовал себя в безопасности – любой подозрительный звук привлечет внимание стражи, и она схватит безумного руса.

Эрик же взбесился не на шутку. Он в общем-то не собирался чернить перед князем Владимиром христианство, поскольку, как он уже успел узнать, в религии этой было немало хорошего.

Его разъярило другое, а именно то, с какой наглостью, насколько неприкрыто пытался советник всучить ему взятку. Эрик уж было хотел бросить в лицо советнику оскорбление и покинуть комнату, как вдруг советник заговорил снова.

– Я понимаю, что в вашей стране могут быть несколько

извращены нормы морали, это не удивительно, если учесть, насколько вы отстали в развитии от всего цивилизованного мира. Я ведь рассуждаю по-своему. Наверное, много лучше осчастливить одного человека, чтобы затем с его помощью принести счастье целому государству.

Видя, что Эрик нахмурился еще больше, советник не смутился и продолжил как ни в чем не бывало:

– Мы знаем, что в нашем великом городе есть вещь, которую ты ценишь больше, чем деньги, больше, чем ценности. Я говорю про рабыню, которую ты так героически защищал на базаре позавчера и из-за которой даже угодил под суд.

Эрик помертвел.

– Я еще раз предлагаю тебе сделку. Ты даешь князю Владимиру отчет, в котором не будет ни одного дурного слова ни о христианстве, ни о том, что ты видел в Константинополе. Я считаю, что этого будет вполне достаточно для того, чтобы Владимир принял христианство сам и подарил его своему народу. Ты даже можешь не мучить себя угрызениями совести, так как в конце концов Владимир все равно поступит по своему. С другой стороны, Владимир может находиться на перепутье, и твой доклад подтолкнет его в нужную сторону. Вспомни о том, что и великая княгиня Ольга была крещена! Напомни о том и своему князю!

– А если я откажусь? – мрачно поинтересовался Эрик.

– Откажешься от чего? – не понял или сделал вид, что не понял, советник.

– Откажусь от мзды?

– Что ж, выбор, конечно, остается за тобой. Но это неверный выбор. Подумай только, ты обречешь государство на мрак, из которого хочет вывести его ваш князь, еще на долгие годы. Ты заставишь людей поклоняться не единственному истинному Богу нашему Иисусу Христу, а будешь содействовать тому, чтобы жили они в ереси...

– Довольно, – остановил разошедшегося советника Эрик. – Этой чепухи я уже наслушался. Меня интересует, что будет с девушкой?

– В каком смысле?

– Если я откажусь выполнить ваши условия, то что случится с ней?

Советник прищурил водянистые глаза, отчего его лицо стало напоминать морду какого-то мелкого хищного зверя. Хорька, что ли?

– Откуда мне, советнику императора Византии, знать, что произойдет с какой-то рабыней? Какое мне до нее дело?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.